

ВЕК XX И МИР

■ СТАТЬИ ■

■ ИНТЕРВЬЮ ■

В НОМЕРЕ:

ПОСЛЕ СССР

Куда?

СОВРЕМЕННЫЕ СОБЛАЗНЫ

Набожность и левизна
вместо честности

ПОБЕДА БЕССИЛЬНЫХ

Советская жизнь
как опыт успешного сопротивления

ISSN 0320 8001

1/91

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Большая тема</u>	
Г. ГУСЕЙНОВ. РОССИЯ — МИНУС НЕМЦЫ	7
<u>Мир миров</u>	
«НАСТАЛА ЭРА ВНУТРЕННИХ ВОЙН...»	9
Г. ХЕРИСЧИ. О БУДУЩЕМ ИСЛАМСКОГО МИРА	
А. ТАРАСОВ. «ВЕЛИКИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ	
ДЖИХАД»?	13
<u>Политика в лицах</u>	
ГРУЗИЯ. ГОЛОСА ДРУГИХ. — З. ГАМСАХУРДИА	
М. МАМАРДАШВИЛИ, КАТОЛИКС ИЛИЯ ВТОРОЙ	
О СВОЕЙ РОДИНЕ	17
<u>Человеческое измерение</u>	
О. ГЕВЗАЛЯН. ДОРОГА УБИЙЦ	23
В. ДУДЧЕНКО. ГРАЖДАНИН-НЕВИДИМКА	26
<u>История этих дней</u>	
СРЕДИ ЯЗЫЧНИКОВ. — ФИЛОСОФ ОБ УБИЙСТВЕ	
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ	31
М. МАЛЮТИН. КТО СЛЕДУЮЩИЙ?	34
<u>Конец века</u>	
Д. ДРАГУНСКИЙ. БОГ, СТРАХ ИЛИ СВОБОДА	40
Л. СТАРОДУБЦЕВА. ЗЕМЛЯ БЕЗ МЕСТ	44
<u>Документ</u>	
В БЮРО СКЗМ	48

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

«Уважаемая редакция...»

Это наши годы

Разоблачение сталинизма есть, несомненно, признак духовного раскрепощения. Но вместе с тем личный опыт восстает и против рассмотрения прошлого (своего в том числе) как нагромождения злоумыслов на несчастные обстоятельства. Не чувство обиды за «бесцельно прожитые годы» главное здесь, но чувство цельности и прочности того, насколько уже отошедшего от нас, мира.

Жизнь наша и каждое движение в ней неизбежно связаны с миллионами других жизней и движений. Та жизнь была полна своим содержанием. В ней было все: например, прекрасные книги детства — Майн Рид, Марк Твен, Сабатини, Кассиль, Пушкин и т.д. Как сочетать представление о моральной, интеллектуальной ущербности тех лет с тем, что в них вписывались лучшие образцы литературы, живописи, музыки? В то же время слова «Москва», «Кремль» вызвали светлое волнение, а красная звезда на Спасской башне виделась маяком в будущее.

Конечно, утверждая это, я обращаюсь к своему ограниченному эмоциональному опыту. Но более всего убеждает тот простой факт, что было так, а не иначе. Разоблачающие «прозрения» на сей предмет — отнюдь не достижения глубокой мысли, познавшей, наконец, историю в ее сути. Они одно из проявлений процесса, который делает прошлое прошедшим, а будущее оставляет столь же загадочным.

Сомнения в истинности убеждений людей, пришедших к власти после семнадцатого, имели сильную аргу-

ментацию и до того. Можно ли свести проблему к ошибке в выбранной модели общественного развития? Наше общество в 30-х и 80-х годах имело одинаковую политическую систему. В 80-х она даже более завершена в деталях. По сути же это два совершенно различных общества. Разность составляют люди, опыт их жизни. В 20-х—30-х годах они осваивали социалистическую ойкумену. С рвением, наверное, сродни тому, что двигало конкистадоров Кортеса, но бывшим общественной доминантой. В 80-е мы начали ее обживать.

Внешне застывшая система вырабатывала заложенный в ней потенциал, а народ наработывал **свою** историю, **свой** опыт, необходимость которого диктовалась внутренними его потребностями, движением общественного сознания. В 20-х, 30-х годах ему отвечала тоталитарная коллективистская система, которая требовала включения и растворения личности в общественном движении. Отвергалось все, что мешало этому движению, даже значительное. Безжалостная сила заложена была **в нас всех вместе**, а не в нескольких «сталинцах».

Да, сейчас мы во многом отрицаем тот образ жизни. Но отрицаем с позиций приобретенного опыта. Хочется верить, что нынешний этап отрицания не сметет моральные тормоза и неприятие насилия, заложенные в те страшные, но такие **наши** годы истории.

Иван ЕВГЕНЬЕВ,
г. Фрязино.

Лечите Россию от начальников!

По профессии я врач, психиатр, кандидат наук. То, о чем я пишу, имеет непосредственное отношение к проблемам, интересующим ваш журнал, к тематике «мир в нашем доме», но не только.

Сейчас широко дискутируется вопрос о том, был ли Сталин преступником или душевнобольным. Не вдаваясь в существо споров (хотя как специалист мог бы принять в них участие), хотелось бы подчеркнуть другой аспект этой проблемы, тоже имеющий отношение к моей профессии. Речь идет о несовершенстве механизма передачи государственной власти, коль скоро допускается сама возможность появления таких споров.

Система допускает возможность появления и пребывания во главе государства людей психически и нравственно недоброкачественных (в данном случае не столь уж важно, палача или безумца).

Ведь и многие следовавшие за Сталиным руководители нашей страны, как теперь выясняется, отнюдь не отличались психической гармонией.

Вопрос о защите от произвола власти неизбежно становится актуальным для каждого народа, страны на определенном историческом этапе развития. Само возникновение правового законодательства, в сущности, обусловлено именно такой очевидной необходимостью. Сейчас этот вопрос приобрел особую актуальность для нашей страны: делается попытка создать правовое государство. Но почему-то мало говорится о контроле за работой высшей администрации.

Почему про это следует вспомнить и говорить сейчас в связи с пересмотром правовой системы? Потому что любое лицо, облеченное властью (любого уровня — от конторской, учрежденческой до государственной), продолжает быть прежде всего чело-

веком со всеми присущими ему страстями и слабостями, от относительно безвредных, вроде обычной лени или любви вкусно поесть, до гордыни и жестокости и даже приверженности к страхам и психической неуравновешенности.

Ничто человеческое им не чуждо. Но это значит, что на любом уровне власти, включая самый высокий, люди не обязательно станут отказываться от своих амбиций, желаний, притязаний (материальных, моральных, сексуальных и пр.). Работающим над законодательством необходимо постоянно помнить о неисчислимых бедах, которые претерпели люди от несовершенства законов, не позволявших повлиять на ненормальные проявления властителей (Калигула, Нерон, Иван Грозный). Еще совсем недавно жили Пол Пот, Гитлер, Сталин. Поскольку последствия несовершенства власти с учетом достижений современной науки и техники сегодня могут быть крайне серьезными, большинство цивилизованных стран разрабатывают системы оценки и контроля действий руководителей.

С точки зрения моей профессии (а привлечение врачей к этому вопросу не столь уж нелепо, как кажется на первый взгляд), по своей сущности любое законодательство — это избретенное обществом средство самозащиты от невыгодных для развития популяции психических особенностей некоторых ее граждан, включая и тех, в руках которых сосредоточена власть. Это вынужденное средство профилактики последствий безудержного проявления сильных желаний, особенностей характера, возрастных изменений, влияния внезапно возникшего заболевания, что не исключено и у начальства самого высокого ранга. Ограничивается законами не власть эмира, короля, президента сама по себе, а возможности резко девиантного поведения и решений,

обусловленные особенностями личности. Как ни прискорбно, но законы должны исходить из «презумпции нарушения» — из того, что их всегда все обязательно (вольно или невольно — это уже другой вопрос) будут стремиться нарушать. Несоверженство закона фатально приводит к его нарушению именно в той части, где несовершенство наиболее явно. И если не будут предусмотрены специальные условия, фильтры, исключяющие появление у власти (любого уровня) людей с ущербной нравственностью или слабым интеллектом, можно быть уверенным, что они будут тут как тут.

Еще одна деталь, связанная с тем

же вопросом, — при «малопарламентарной» форме правления население начинает вовлекаться и перенимать нормативно-ценностные психологические критерии лидера. При Сталине это были внешний аскетизм на фоне подозрительности, доносов, поиска врага; при Хрущеве все «догоняли Америку», сеяли кукурузу; при Брежнев шумно радовались очередным «успехам», устраивая галанаграждения и развивая спорт. А ну как завтра окажется на вершине выраженный мазохист, к примеру, или истерик? Не исключено!

Роман ХАЙКИН,
г. Ленинград.

Не верю

Я выпал — и выпал сознательно — из рядов тех, в ком жива эйфория приближающегося освобождения.

А ведь совсем недавно был с ними заодно: топился на митингах, громко и ясно обличал противников «свободы и независимости», срывая горло, агитировал «за лучших представителей нашего народа».

И вдруг — стоп. Привычные слова утратили привычные вкус и цвет, знамя уныло провисло над головой, словно отвалившиеся от стен обои, революционный запал растворился в ощущении повторяемости, будто и впрямь мы способны запоминать все, что происходило не с нами.

Я не оправдываюсь, а пытаюсь разобраться в себе самом. Чем усердней декларируется принадлежность к эпохе великих перемен, тем стремительней возрастает уверенность, что через все это уже однажды проходил я или мои предки. Слово силком затащили меня на премьеру давно написанной и уже прежде исполненной пьесы.

Знакомо и место действия, и персонажи, и мизансцены. Поменялась лишь сверхзадача. В прежней интерпретации звучало: убий дядю Ваню, потому что он стар, как породивший

его мир, и, как этот мир, никчемный и исполненный предрассудков. В интерпретации нынешней — мотив жалости к дяде Ване уничтожается требованием убить тех, кто расправился с ним. Каков же в таком случае смысл перемен, и стоит ли дважды входить в одну и ту же... пьесу?

Субъективность — не лучшая из подруг, и, сознавая это, я готов к тому, что многие меня не поймут, и уж совсем мало таких, кто добровольно разделит мои опасения.

На молодых не приходится рассчитывать вовсе. Для них надежда на успех важнее конечного результата. Глубине мысли они предпочитают красоту слога, а громко произнесенному слову доверяют больше, чем тайному пророчеству. Праведные цели они готовы достигать неправедными путями, а приносят себя в жертву, требуют от окружающих не только восторженного поклонения, но и готовности поступать так же.

А ведь любая идея, легко собирающая толпу, уже по одной этой причине должна вызывать подозрение у людей здравомыслящих. Иначе толпа сначала навяжет себя в качестве соавтора идеи, а после и авторство целиком припишет себе одной. И уж тут-то всякая попытка проявить здравомыслие будет воспринята как сопротивление, которое следует подавить во что бы то ни стало. И вот

потаянная идея свободы, бывшая некогда едва ли не главным фактором выживания в эпоху отсутствия таковой, скукоживается на глазах, словно осенний лист под неожиданно выпавшим снегом.

Но так ли необходима человеку свобода, внедряя которую можно исключительно методом несвободы? Нужна ли правота, доказательством которой служит искривленный в страхе рот? И наверняка, счастье не осенит нас с той стороны, куда умчалась толпа...

И хотя на эти и им подобные вопросы существовали ответы и прежде, груз сомнений не становится менее обременительным, поскольку получены они мною одним. Трудно избавиться от опасений, что настоящее, пренебрегшее уроками прошлого, способно породить раковую клетку, но никак не здоровое ядро. Вернее и вернее убеждаюсь я в том, что

стремление шагать по протоптанному есть не что иное, как желание раствориться во всеобщей безответственности, подобно тому, как захваченные в лесу ненастьем люди рады и краешку чужого зипуна взамен оставленному дома пальто.

В таком смешении чувств, намерений и поступков проявляется то, что можно обозначить до боли знакомой формулой: мертвые хватают живых. А потому я не верю ни в справедливость, держащуюся на постулате беспощадной борьбы, ни в патриотизм, расцветший на просторах, унавоженных чужими судьбами. Я никогда не сделаюсь ни сеятелем, ни собирателем столь чудовищного урожая, даже если окажется, что для меня в этом единственная возможность физического выживания...

**Борис ИОСЕЛЕВИЧ,
г. Львов.**

Синее и красное

Только что прочел «Как нам обустроить Россию». Красным подчеркивал то, что нравится, синим — что настораживает. Привлекает попытка опереться на традиции русской и мировой мысли. Но сквозь современные оценки проступают неизменные солженицынские пристрастия, не пережившие со времен «Глыб» (1974). Прежде всего — национальная озабоченность. Крымских татар Александр Исаевич насчитал всего сто тысяч (их впятеро больше), а русских — по оценкам на XXI век восемь миллионов (но тогда и татар будет два миллиона). И о каком владении идет речь? Всего лишь об автономии, в которой татарское меньшинство будет пользоваться некоторыми скромными привилегиями (другой родины у них ведь нет).

Еще пример важнее (и страшнее). Если нерусские республики захотят остаться в Союзе, Солженицын их

изгоняет. Ну, а если армянам деваться некуда, если их без опоры сожрут, вырежут? Что им ответить? — Я не сторож брату моему? Национальная озабоченность — это болезнь. Это слепота, не замечающая реальных национальных интересов. Ведь если сейчас, при Союзе, началось бегство русских с окраин, то что будет при объявленной политике изгнания? Как будет переломана жизнь десятков миллионов людей? И куда их девать?

Мы задыхаемся под грузом разваливающейся экономики, экономических катастроф и потока беженцев. Единственное наше спасение — крупные иностранные инвестиции. Но Солженицын боится впасть в колониальную зависимость. Какие колонии сейчас, в конце XX века?! Только с иностранной помощью мы сможем избежать катастрофы. Что Япония поднялась и сделала первые шаги без

помощи, это верно, но к нам этот пример **не подходит**. Легче получить план Маршалла, чем японский характер. И все страны Европы, получив план Маршалла, вовсе не стали холопами США. Да, нам нужно ликвидировать производство железного лома (в виде танков и пушек, которые потом идут на переплавку, и т.п.), покончить с базами в Африке, но и со страхом иностранных инвестиций тоже пора кончать.

Самый идеал, во имя которого Солженицын призывает к жертвам, очень спорен. Замкнутое царство, опирающееся только на свои силы, непременно будет косным. Русская культура расцвела в XIV—XV вв когда Россия входила в Византийский круг, и в XIX веке — а не в Московский период, когда теряла даже то, что сознательно пыталась сохранить (искусство иконописи) И будущее России неотделимо от сотрудничества с другими странами в экономике, в культуре и в политике, от возрождения «всемирной отзывчивости»...

Бросается в глаза недоверие к столичной интеллигенции. Единственный человек, которого Солженицын лично поддел,—это Г. Попов. Почвенники выступали с доносами, с людоедскими речами — и никого Солженицын не одернул. Только столичного экономиста за ошибку, сделанную в отчаянном, не им созданном положении. Специально придумывается особая избирательная система, чтобы делегация Москвы растворилась в массе сельских мудрецов. Но эти мудрецы разбираются в мировых проблемах не лучше, чем Белов и Распутин. А мы уже видели, на что те способны.

Замечания Солженицына о несовершенстве демократии справедливы, но Черчилль сказал о них резче демократия — худший образ правления... если не считать всех остальных И сословно-корпоративная система, вытесненная из наследия Муссолини, дела не поправит.

А что это за третья палата? Каким образом можно выбрать 200—250 этически безупречных депутатов? В

Америке роль высшей нравственной инстанции играет Верховный Суд; и есть четкий механизм избрания туда старых, заслуженных людей. А 200—250 Конфуциев... Как их отобрать? Какая-то маниловская затея.

И пример швейцарского кантона (который весь на ладошке уместится) ничем нам не поможет. Даже несерьезно предлагать его нашей огромной стране.

Большие сомнения вызывает сохранение иерархии союзных и автономных республик. Солженицын, с одной стороны, негодует на грузин (можно бы прибавить к этому и Азербайджан, и Молдову), а с другой, хочет сохранить порядок, при котором армян Карабаха, абхазцев, осетин, гагаузов и прочих можно гнуть в бараний рог. Совершенно ничего не сказано и о проблемах распыленных народов. У нас в Совете национальностей представлены не народы, а административно-территориальные единицы. Немцев три миллиона, поляков два миллиона, евреев миллион на полтора, но они в Совете национальностей практически не представлены. Крымские татары, потеряв автономию, автоматически потеряли и представительство, то есть юридически упразднены как народ. Выйти из этого положения можно, но мысль Александра Исаевича работает в другой области. Он ничего не заметил, даже самих проблем. И не заметил «Памяти» с ее проектами, подливающими керосин в костер национальной ненависти, который уже сегодня обжигает русских в Алма-Ате, Душанбе, Баку, Туве.

Вот главные темы, которые я подчеркнул синим цветом. А хорошего тоже много: о необходимости самоограничения, о важности духовных сдвигов... Список вышел бы довольно длинный, но я его обрываю. Главное, что это не руководство к действию, а материал для обсуждения. И обсуждение может дать больше, чем текст сам по себе. Что еще раз докажет правоту плюрализма.

Григорий ПОМЕРАНЦ,
1990 год,
Москва.

Гасан ГУСЕЙНОВ

РОССИЯ МИНУС НЕМЦЫ

В одной филологической работе Мандельштама сказано, что в жилах каждого столетия течет чужая, не его кровь, что чем скорее, исторически интенсивнее век, тем тяжелее груз этой крови. Поэт писал тогда о крови XVIII века в жилах XIX столетия. Звучало убедительно и красиво. Сейчас, на исходе XX, поэтическое выражение «груз чужой крови» вдруг приобретает на наш сегодняшний вкус паскудный соленый смысл. Старая добрая кровь «осьмнадцатого» столетия вытекает из жил российского XX с потомками немецких колонистов.

Трагедия старшего поколения советских немцев — тех, кого комиссариат внутренних дел депортировал из Поволжья и Крыма, с Украины и Кавказа, из Прибалтики и Москвы в Казахстан и Сибирь, эта трагедия кажется до боли понятной, или просто знакомой, как всеми прочитанная книга: ее никому не надо объяснять.

Потом тоже знакомое, хоть неопостижимое, — и для этих людей жизнь продолжалась. Нахлебавшиеся исторических нечистот люди от отчаяния нарожали детей, те выросли. Тотальное унижение племени пало и на них. Почти совсем потеряли язык. Неимо-

верными усилиями сохранили элементарные житейские и трудовые нормы, словно старались сразу и за свой род, и за оскудевшие соседние — за русских, казахов, за другие народы-победители. Даже стали — что твои западные немцы в Европе! — процветать, в нашу, конечно, советскую меру.

Нежданно-негаданно замаячила свобода, замаячило право стать тем, кем тебя всю дорогу клеймили. Вся великая артель русских немцев пошабашила и решила сниматься.

И вот она, потрясающая абберация массового сознания: общество не умеет распознать в этих людях беспрерывно оплакиваемый генофонд нации. Даже прогрессивные и добрые видят в них рабочие руки и любящие души, в которых, как теперь выясняется, так остро нуждается вся наша страна. Патриотические козлы, заблеявшие полнеба проповедью своей духовности, ищут народный дух в самых неожиданных местах — от вчерашней афганской мясорубки до сегодняшней Восточной Германии, где дававший утром присягу «простой солдат» вечером продает за тряпки оружие и роется на берлинских по-

мойках в поисках доброкачественного импорта. Ведь впереди у солдат — Родина, с романтической палаточных городков в казахстанской степи.

Насилие растлило насильников и безропотных соучастников, и в потоке немецких переселенцев мелькают радостные физиономии советских дезертиров всех мастей. Славных прохановских героев недавно застывали в почти уже объединившейся Германии на попытке загнать по дешевке ракету «земля-земля». От вселенского срама такую армию мог бы спасти, пожалуй, только немедленный перевод всей группы войск в бундесвер. Вот только не возьмут красноразнамную, не возьмут в боях познавшую радость побед. Так что на Родину солдат везут как военнопленных — и тех, кто не успеет, и тех, кто не захочет сбежать к моменту окончательного воссоединения Германии.

Почти так, как пятьдесят лет назад везли под конвоем советских немцев.

Здесь, в Германии, не видно деревень. Это такие маленькие города или хутора городского типа — с мощеными улицами, магазинами, мерседесами, спутниковым телевидением и домами, в которых так называемые все удобства, видимо, призваны отвлекать трудящихся от большой нехватки духовности. Когда в такой город приезжают «русские переселенцы» (так называют и тех, у кого в советском паспорте значилось «немец»), это заметно. Турчанка или египтянка в чадре, выкатывающая к стоянке возле супермаркета переполненную корзину всякой снеди, дабы загрузить багажник своего лимузина, пожалуй, меньше бросается в глаза, чем какой-нибудь белобрысый Ойген, ныряющий с декоративного мостика в декоративный пруд (правда, с натуральными лебедями и лотосами в англо-японском стиле) и, фыркая, вынырывающий со словами: «Не ссы, Зиг-

фрид, тута глубоко!»

Они приехали из очень просторной местности в такую, где почти всюду можно проехать на одних трамваях. Им тут тесно, но платят ежемесячное пособие, в несколько раз превосходящее совокупный годовой заработок семьи в бытность ее на родине. Они никогда не уедут отсюда, как не вернулись в Россию из Европы и с каторги тысячи их предков и соплеменников — гимназических учителей и инженеров, музыкантов и врачей, профессоров и купцов — всех Майеров и Штольцев, кого извели в первом акте постимперской трагедии России.

Сейчас пошла последняя — простонародная волна. Материализуется старая хохма про деньги в долг: в XVIII веке временно приглашали чужих, в конце XX уходят свои — навсегда.

В советском Казахстане политическая неполноценность этих людей определялась их мнимым германством, в Баден-Вюртемберге на них смотрят как на чужаков из России, перехватывающих у местных очередников дешевые квартиры и рабочие места. Их непридуманный коллективизм, братство изгоев не исчезнет и после переезда на «историческую родину», где повсеместно воспринимается как чисто российская черта.

В следующем поколении все это рассосется, Ойгены и Зигфриды перетащат к себе всех возможных родственников и свойственников, готовых проглотить свою русскость как социальный недуг.

Но это — судьба уехавших и уезжающих, драма зеркального человека — особого типа маргинала, предназначенного историей, помимо обычных человеческих ролей, отражать гримасы своих соседей, с какой бы стороны те ни очутились. В кризисную эпоху эти, иногда очень тонкие, социальные пласты накапливают остатки тех цен-

(Окончание на стр. 36)

«НАСТАЛА ЭРА ВНУТРЕННИХ ВОЙН»

ГАМИД ХЕРИСЧИ О БУДУЩЕМ ИСЛАМСКОГО МИРА

В одном из весенних (№ 3/90) номеров вашего журнала была напечатана публикация, где подвергалась критике моя статья «Кавказ в огне», опубликованная в ноябрьском номере литовской газеты «Согласие». Я, Херисчи Гамид, еще тогда, когда эта статья (вернее, интервью со мной) было опубликовано, направил в адрес редакции письмо, где выразил свое сожаление в связи со многими искажениями и сокращениями в этой публикации. К сожалению, оно не было опубликовано. В одном из июньских номеров нашей республиканской газеты «Азербайджан» была опубликована моя переписка, где я

резко выступил в связи со всей этой историей. И сегодня, когда вы публикуете такую резко враждебную статью против моих взглядов, я хотел бы, чтобы вы учли все моменты этой истории и, критикуя меня, обратили свое внимание не к искаженному варианту моей статьи «Кавказ в огне», а к моим реальным взглядам.

Если вы действительно заинтересованы в проблеме тюркоисламских народов СССР, вы исполните это. Если нет, то это покажет вашу незаинтересованность в объективном освещении данной тематики.

Гамид ХЕРИСЧИ

ИЗ ПИСЬМА КУРТУ П. БИЕРШОКУ

Недавно получил от Вас очень интересное письмо, а также копию западногерманской газеты «Тагецайтунг», где перепечатана моя беседа с корреспондентом литовской газеты «Согласие» от 30 ноября 1989 г. К сожалению, она опубликована очень небрежно, в сыром виде, с большими искажениями и сокращениями. Считаю долгом ответить Вам и изложить Вам свои мысли о политической и

духовной жизни мусульманских народов мира...

... В коридорах наших больниц видел одежду оперированных во время известных трагических событий. Я подумал, что иным она уже никогда не понадобится. Сознать это было очень больно и трагично. И вдруг вспомнил снятие одежды с Христа перед его распятием. Эту сцену так любили изображать европейские ху-

дожники эпохи Возрождения. Но в тот миг каждое напоминание о Европе мне было глубоко неприятно. Так, в «Московских новостях» сообщалось, что именно Европейский парламент 18 января потребовал введения войск в Азербайджан. В турецких газетах «Тюрке» (1989, 1 декабря), «Гюнайдын» (1989, 3 декабря) отмечалось, что во время встречи на Мальте руководители США и СССР вели разговор и вокруг Азербайджана. Прикрывались при этом какими-то общеевропейскими интересами. Да и сейчас немало говорят о коллективной европейской безопасности. Кто же угрожает Европейскому дому, если даже сверхдержавы США и СССР заинтересованы в его строительстве?

Восток? Тогда давайте не навешивать на него сразу ярлыки пантюркизма, панисламизма, исламского фундаментализма, не делать из него образ врага, а лучше узнать его. Казалось бы, неудобно напоминать здесь об элементарной этике, об умении выслушать иную, даже противоположную, точку зрения. Вот почему я предлагаю Вам тему о глобальных вопросах мусульманского мира, в русле которых и решаются и будут решаться проблемы многострадального Кавказа.

Говоря об исламе, нам надо учесть, что для арабских народов исламская религия является не только религиозным, но и чем-то сугубо национальным фактом. А национальное всегда является негативным явлением в религиозных отношениях. Для тюркских, иранских и других этносов ислам на самом деле — чисто религиозное понятие. И исходя из этой объективной реальности, я считаю, история ислама будет все больше зависеть именно от вышеуказанных народов. После арабов, которые получили ислам от Аллаха, в 70—80-х годах XX века для ислама очень мно-

го сделали иранские народы (вспомним события в Афганистане, в Пакистане, иранскую революцию). Думаю, что тюркскими народами в XX веке по отношению к исламу еще не сказано свое весомое слово, и в ближайшее время оно, наверное, прозвучит всей своей мощью. Эта последовательная новая исламизация мусульманских народов удивительно напоминает саму схему распространения веры Аллаха в странах Востока, когда после арабов ислам приняли иранские, а через них и тюркские народы мира. Этот старый механизм ислама действует, наверное, и сейчас. Он еще раз доказывает, что взрыв ислама в тюркском мире будет идти опять-таки именно под иранским влиянием, следовательно, нам надо внимательно следить за событиями в Иране, Афганистане, Пакистане и т.д.

Правда, в тюркской истории имеется и так называемый «булгарско-волжский путь ислама» (начало X века, путь Ибн Фадлана в Волжскую Булгарию), который связан больше с арабским миром. Считаю, что этот путь ислама в тюркские земли для тюркских народов — тупиковый. Арабский ислам не будет иметь большого успеха в Тюркском мире.

После второй мировой войны и учреждения ООН в мире создана эффективная система внешней безопасности каждой страны. Да, времена войн, вернее, внешних войн, ушли. Они сейчас невозможны. Взамен этого во многих странах мира вспыхивают, если так можно выразиться, «внутренние войны» (Кашмир, ливанские столкновения, Карабах, курдские проблемы, албанский вопрос. Палестина и др.), решить которые очень трудно. Думаю, что в истории мира наступает пора именно этих «внутренних войн», которые со временем появятся во многих странах мира. Это какое-то мистическое, общемировое явление, перед которым

наш мир со всеми своими законами, указами, армиями, понятиями окажется бессильным. Внутренние войны покажут нам всю ничтожность «государственных понятий» и заставят нас глубоко задуматься над многими проблемами типа «государство, родина, религия, общечеловеческие понятия» и другие. Я думаю, это — что-то, идущее от Бога.

Меня удивляет тот факт, что говоря о моих взглядах, Вы употребляете такие дешевые понятия, как панисламизм, пантюркизм. Сейчас, когда все европейские страны говорят о единстве, никто не укоряет их в панхристианизме, паневропеизме и т.д., но это почему-то считается чем-то плохим, негативным для Востока, для тюркского мира. Неужели мы уже находимся за баррикадами? Когда ливанский генерал Аун тысячами убивал мусульман, Папа Римский молчал, а когда им было убито более восьмисот христиан, Рим сразу пригрозил ему отлучением от церкви и приостановил внутрихристианские распри в Ливане.

В ООН мусульманские страны лишены права на вето, все мировые юридические, правовые законы основаны и развиты на основе Библии и Евангелия, им чужд сам дух Корана. Вся современная сущность демократии тоже питается из основных принципов христианства. Она не удосужилась что-то взять из мусульманского права. Я думаю, что именно отсюда исходит отчужденность большинства мусульманских народов от принци-

пов демократии. ООН не использовала правовые достижения мусульманского мира, не смогла объединить мусульманские и христианские понятия юриспруденции и международного права. Все это рано или поздно приведет и уже приводит к большим трагедиям, столкновениям. Иногда мне кажется, что ислам и христианство можно объяснить, только исходя из теории бинарных оппозиций Леви Стросса. Они никогда не сойдутся, они навечно разделены друг с другом. С каждым годом это чувство у меня усиливается, и я испытываю большой страх за будущее нашей планеты. После трагических событий в Баку последовали страдания мусульман в Таджикистане, Узбекистане, в Кашмире. Но Запад на все это не реагирует. Это наносит глубокие раны душам мусульман. Они, я думаю, все меньше надеются на справедливость со стороны Запада. В этом вся трагедия. Но это *Ваша*, а не наша трагедия...

Сейчас очень многие активисты событий 1968 года в странах Запада уже поняли, что центр идеологической, социальной борьбы народов мира переместился из Европы на Ближний Восток. Вот почему многие из них принимают ислам и вливаются в боевые отряды мусульманских муджахидов... Готов переписываться и сотрудничать с Вами.

(газета «Азербайджан»,
22 июня 1990 г.)

ВЗГЛЯДЫ ГАМИДА ХЕРИСЧИ

**КОММЕНТИРУЕТ АЛЕКСЕЙ ЖУРАВСКИЙ,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

Призыв автора письма Гамида Херисчи не искать на Востоке образ врага, а попытаться лучше узнать его, можно только приветствовать. Следует признать, что и в Европе, и в России в прошлые столетия культивировался преимущественно отрицательный образ ислама как религии насилия и фанатизма, обманом и потаканием распушенности «соблазвившей» многие народы. Эти стереотипы, возникшие еще в эпоху Средневековья, оказались удивительно живучими и давали о себе знать в последующие века. Как ответная реакция, аналогичные теории возникали и в мусульманском мире. В начале нашего столетия египтянин Йахья Сиддик утверждал, что XIV век хиджры (т.е. XX век по нашему летоисчислению) знаменует собой начало новой эры, когда Европа будет вынуждена уступить свою цивилизаторскую миссию мусульманским народам.

Я вспомнил об этих теориях «вечного противостояния» в связи с утверждением в письме Херисчи о том, что «ислам и христианство не сойдутся, они навечно разделены друг с другом». А вот с этим никак нельзя согласиться. И христианам, и мусульманам всегда было присуще сознание определенной духовной общности, восходящей к единому источнику ближневосточной авраамитической традиции (Авраам, уверовавший в единого Бога, ханиф, отец всех

верующих — фигура равно святая для христиан и мусульман).

Можно вспомнить о том, что уже в XII веке в Европе по инициативе Петра Достопочтенного был переведен на латинский язык Коран. Можно также вспомнить письмо папы Пия II завоевателю Константинополя Мехмеду II, в котором он, оговорив расхождения в вопросах о божественной природе между двумя религиями, в то же время подчеркивал их общую библейскую основу, объединяющую их веру в единого Бога, загробную жизнь и бессмертие души. Уместно вспомнить сегодня и о традиции благожелательного отношения к исламу в России — П. Я. Чаадаева, считавшего Мухаммеда «одним из тех, кто всего более способствовал осуществлению плана божественной мудрости», В. С. Соловьева, подчеркивавшего «специальный религиозный гений Мухаммеда».

Можно возразить, что подобные взгляды всегда были скорее исключением из правил. Но я убежден, что будущее не за «большой» традицией взаимного недоверия и анафем, а именно за этой «малой традицией открытости и диалога». Трагический опыт XX века со всей ясностью проявил опасность любых идей исключительности — национальной, социальной или религиозной. Опасность и несостоятельность прежде всего для самих носителей подобных идей.

Александр ТАРАСОВ,
политолог

«ВЕЛИКИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДЖИХАД»?

*О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
и с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный господень суд.
Но нет Востока и Запада нет,
что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встает?*

Джозеф Редьярд КИПЛИНГ

Знакомая всем точка зрения на захват Кувейта Ираком, вкратце сводимая к набору трюизмов («Хусейн — взбесившийся диктатор»; «вызов мировому сообществу», «агрессия аморальна»; «мы должны покарать зарвавшегося агрессора»), не удовлетворяет меня по двум основным причинам. Во-первых, она решительно ничего не объясняет в «феномене» Саддама Хусейна (и я уверен — намеренно). И во-вторых, она до отвращения фарисейская.

Попробую обосновать обе позиции. Итак, в многочисленных публикациях Саддам Хусейн преподносится нам как «взбесившийся диктатор», возмнивший себя новым Наполеоном или Саладином — и этим-де и объясняются все его действия.

Все это мы уже читали и слышали. Только это называлось «бесноватый фюрер». Однако «бесноватость» Гитлера никак не объясняла, почему ему удалось прийти к власти, превратить «нацию философов» в «нацию европейского позора», захватить большую часть Европы и заставить весь остальной мир только крайним напряжением всех своих сил остановить его, «бесноватого». Точно так же и популярное объяснение, что Хусейн «взбесился», не дает ответа на самые важные вопросы: почему его власть стабильна, несмотря на его военные авантюры, как внешние (Иран, Кувейт), так и внутренние (Иракский Курдистан), почему он пользуется поддержкой в арабском мире (в Алжире, Иордании, Йемене, Судане, Ливии идет запись добровольцев в иракскую армию), что дает, наконец, Хусейну возможность столь явно демонстрировать свою «моральную неуязвимость»?

Последнее, впрочем, можно объяснить неким «средневековым арабским менталитетом», который, дескать, и заставляет С. Хусейна прибегать к тактике мамлюков (то есть укрываться за спинами заложников) и угрожать химическим оружием.

Это, конечно, тонкий пропаганд-

дистский ход (как и многие другие в разворачивающейся пропагандистской войне), тонкий потому, что он эксплуатирует традиции европоцентризма и ненавязчиво раздувает арабобобию. Уже по одной последней причине подобное «объяснение» не может не вызвать подозрений.

Итак, что же обеспечивает Саддаму Хусейну стабильность и поддержку в своей стране и симпатии в арабском мире? Почему иракская армия, бросаемая с одного фронта (иранского) на другой (кувейтский), не сбросит своего «главоверха»? По ряду причин. Во-первых, Саддам Хусейн не просто Президент и Премьер-министр Ирака, но и Генеральный секретарь Регионального руководства правящей в Ираке Партии арабского социалистического возрождения (Баас). И хотя есть мнение, что «подлинных баасистов» С. Хусейн уничтожил в 1979 году (раскрыв, якобы, заговор в верхах в пользу Сирии, где также правит Баас), баасистское крыло до сих пор очень сильно в иракской армии, и через систему низовых организаций, и через свои вооруженные структуры Баас, практически, контролирует иракское общество. Так вот, С. Хусейн пока ничего откровенно противоречащего идеологии баасизма не совершил!

Здесь необходимы пояснения. Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, Баас) — общерабская партия, хотя и лишенная с начала 60-х годов единого руководства. На лидерство в Баас претендуют две противоборствующие группировки, именующие себя Региональным руководством Баас: одна стоит у власти в Сирии, другая — в Ираке. Кроме того, Баас действует в Ливане (расколота на просирийское и проиракское крылья) и в Иордании, Египте, Судане, Алжире и на оккупированных Израилем территориях (в подполье и полуподполье). Главной целью Баас

является создание «Великого арабского социалистического государства», которое должно объединить всю арабскую нацию. Существующие ныне арабские страны мыслятся как провинции будущего «Великого арабского социалистического государства». Именно эта официальная баасистская концепция заставила, например, Сирию в конце 1976 года вбивать в землю палестинцев и левых мусульман в Ливане, к тому времени почти полностью разгромивших правохристианские формирования. Советские политические обозреватели разводили руками: дескать, сами в ужасе, что сирийцы вытворяют, — а ларчик открывался просто: баасистское правительство Сирии не было заинтересовано ни в сильном самостоятельном Ливане, ни в зависимой Палестине. Палестина и Ливан мыслились лишь как провинции будущего «Великого государства». И присутствие сирийской армии в Ливане казалось Дамаску шагом в нужном направлении.

Так что, с баасистской точки зрения, и действия С. Хусейна оправданы и высокоморальны: вдруг Аллаху было угодно начать создание «Великого арабского государства» с присоединения Кувейта к Ираку?

Вообще надо сказать, идея объединения арабской нации активно живет в арабском общественном сознании: достаточно вспомнить огромное число двух- и трехсторонних соглашений об объединении между арабскими странами. Правда, воплотить в жизнь эти соглашения удавалось лишь дважды: в 1958—1961 годах Сирия и Египет существовали как единая Объединенная Арабская Республика, и в этом, 1990 году, Северный и Южный Йемены (ЙАР и НДРЙ) объединились в единое Йеменское государство (ранее договоры об объединении обоих Йеменов заключались уже дважды: в 1972 и 1982 годах; но дальше

бумаг дело не шло). Все эти двух- и трехсторонние договоры хотя и не воплощены в жизнь, но в большинстве своем и не денонсированы. При строгом их соблюдении уже сегодня можно было бы создать огромное арабское государство в составе Алжира, Туниса, Ливии, Египта, Судана, Сирии и Ирака. С. Хусейн хорошо осведомлен об этой идее fixe арабской нации и в своей пропаганде активно ее эксплуатирует.

Обеспечив себе при помощи националистически - исламско - баасистского конгломерата прочный тыл. С. Хусейн умело пользуется моральной шаткостью позиции Запада.

Агрессия аморальна и недопустима в международных отношениях? Прекрасно! Саддам Хусейн тут же увязывает свой уход из Кувейта с уходом Израиля с оккупированных палестинских земель. Он совсем не случайно упорно сравнивает кувейтскую трагедию с палестинской. Фактически С. Хусейн задает мировому сообществу «детский» вопрос: почему Израилю можно, а нам нельзя? Израиль не признает самостоятельного палестинского государства? Так и Ирак не признает самостоятельного кувейтского государства! Причем Израиль ссылается в оправдание своей позиции на Библию (а это было, простите, три тысячи лет назад!), а Ирак считал Кувейт своей территорией и в этом, XX веке — и при короле Фейсале, и при президенте Абдель Керим Касеме — и тридцати лет не прошло! Кто ж в Ираке не знает, что эмиры Кувейта были в вассальной зависимости от правителей Басры, а Басра — иракский город, и правители Басры подчинялись Багдаду! О том, что спор из-за Кувейта — внутриарабский спор, а Израиль оккупирует территорию другого народа — арабов-палестинцев — стыдно уже и напоминать...

А что же отвечает мировое сообщество на этот «детский» вопрос? Ни-

чего. Делает вид, что ему этого вопроса не задавали. Не слышит. И это не менее отвратительно, чем наглость Хусейна.

Разве не принимала ООН резолюций по Палестине, аналогичных резолюциям по Кувейту? Принимала. Выполнил их Израиль? Нет, и не собирается. И это длится не первый десяток лет. Однако что-то не слышно, чтобы Израиль подвергался экономическим санкциям, чтобы его порты блокировались, а к его берегам стягивались военные корабли разных стран. Фактически израильтяне преподали С. Хусейну пример НЕНАКАЗУЕМОСТИ агрессии, и С. Хусейн геперь вполне логично спрашивает: почему одним можно, а другим нельзя? Чем Израиль лучше Ирака? Тем, что он стратегический союзник США? Каким бы негодяем ни был С. Хусейн, задаваемый им «детский» вопрос поднимает серьезную моральную проблему. Действительно, оккупация арабских земель Израилем (а тем более их аннексия) мировым сообществом не признана — так же, как и оккупация (и аннексия) Кувейта Ираком. Но раз так, то либо агрессия всегда и везде одинаково аморальна и одинаково наказуема, либо она одинаково моральна и одинаково ненаказуема. В противном случае придется признать существование «хороших» агрессоров и «плохих».

Причем право определять, кто «хороший», а кто «плохой», присвоили себе, судя по всему, США. Они же выступают и в роли верховного хранителя морали и надзирателя за соблюдением международных законов. А на каком, собственно, основании?

Какой моралью и какими законами руководствовались США, вторгаясь в Панаму и свергая неугодного им генерала Норьегу? Раз-два, выбросили десант, неудобное правительство скинули, удобное посадили. Но, позволя-

те, и Саддам Хусейн действовал на первых порах так же: неуютное правительство Кувейта скинул, уютное посадил! А чем руководствовались США, когда вторгались на Гренаду после гибели Мориса Бишопа? Предположим, в этой стране произошел переворот, в ходе которого погиб глава правительства. Предположим, США усмотрели в этом некую угрозу своим интересам (хотя и правительство М. Бишопа рассматривалось как такая же угроза).

Строго говоря, нечто похожее Советский Союз и сделал спустя шесть лет в Афганистане. Или осуждаемая ныне афганская авантюра аморальна и противозаконна потому, что Советский Союз в Афганистане увяз? А не увяз бы, так все бы было законно, как в Гренаде?

И разве в Венгрии и Чехословакии --- отрешась от деталей --- было не то же самое?..

А где было наше высокоморальное мировое сообщество (во главе с СССР и США), когда отнюдь не сверхдержава, а «всего-навсего» Индонезия оккупировала Восточный Тимор, растоптав провозглашенную народом этой бывшей португальской колонии республику? Почему мировое сообщество, наблюдая, как индонезийская авиация выжигает деревни противников индонезийского владычества (вооруженных почти исключительно легким стрелковым оружием, а то и просто луком и стрелами), лишь меланхолически принимало на Совете Безопасности ООН и на Генеральной Ассамблее резолюции, осуждающие Индонезию и подтверждающие право Тимора на самоопределение? Почему оно не посылало к тиморским берегам военно-морскую армаду? Неужели действительно только потому, что на Тиморе нет нефти?

Кстати, Индонезия так же нагло, как и Ирак, проигнорировала все

решения ООН и в июле 1976 года (в расцвет разрядки!) объявила Восточный Тимор своей 27-й провинцией. И что, были объявлены экономические санкции против Индонезии? Установлена блокада? Ничуть не бывало. Или тиморцы — «люди второго сорта», недочеловеки — «цветные»? (И еще один большой дефект — тиморские повстанцы были ЛЕВЫМИ.)

А ведь Индонезия и на аннексии не успокоилась! Стремясь подавить партизанское движение Революционного фронта за независимость Тимора, индонезийские власти организовали на острове ИСКУССТВЕННЫЙ ГОЛОД (по нашим рецептам 1932—33 годов). В ходе этой акции геноцида на острове умерло от голода 200 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК (при общей численности в 650 тысяч). И что же мировое сообщество? Снова рассмотрело в ООН положение на Тиморе и снова позорило Индонезию пальцем! Я лично из этого могу сделать только один вывод: ОРГАНИЗОВАТЬ ГЕНОЦИД МОЖНО, когда ЭТО НЕ УГРОЖАЕТ ПОСТАВКАМ НЕФТИ.

Мировое сообщество МОЛЧАЛИВО ПРИЗНАЛО аннексию Тимора. Агрессор и организатор геноцида — Индонезия — никакого наказания не понес. Уж не потому ли, что президентом, премьер-министром и верховным главнокомандующим (точь-в-точь как в Ираке!) там является «хороший» антикоммунист Сухарто, а не «плохой» арабский социалист маршал Хусейн?

...Эта статья написана, конечно, не в оправдание Саддама Хусейна. Просто в ситуации, когда один (постарше), скажем так, «любитель девочек» сначала читает мораль другому любителю (помоложе), а затем и предпринимает в отношении последнего «репрессивные меры», поневоле его заботит, а — конкуренция...

ГРУЗИЯ: ДРУГИЕ ГОЛОСА

28 октября в Грузии прошли первые многопартийные выборы. В голосовании приняли участие 63% грузинских избирателей, выборы практически были сорваны в Абхазии и Юго-Осетии: избирательные участки Ткварчели и Гудаутского района (Абхазия) были вообще закрыты. Часть населения, поддержавшая выборы в Национальный Конгресс, также не принимала участия в выборах Верховного Совета. В результате голосования лишь две партии смогли преодолеть 4-х процентный барьер — КПГ (29%) и блок «Круглый стол — Свободная Грузия» (54%).

«Круглый стол» объединяет около 10 партий и создан 11 мая 1990 года вокруг Грузинской Хельсинкской Группы. До победы блока на выборах Верховного Совета лидеры партий занимали «жесткую» позицию по отношению к негрузинскому населению республики, выступая, в частности, за упразднение Юго-Осетинской и Абхазской автономий. Выступая в начале ноября по грузинскому телевидению, лидер блока Звиад Гамсахурдиа заявил, однако, о их сохранении.

Результаты выборов оказались прямо противоположны прогнозам экспертов и социологов. По-видимому, общее негативное отношение к коммунистическим стереотипам в Грузии сыграло здесь решающую роль. Плюс — нестабильная ситуация в Грузии из-за противостояния двух оппозиционных блоков — «Круглый стол — Свободная Грузия» и Координационного Центра. «Мы стоим на грани войны с Координационным Центром», — сказал на митинге 16 сентября лидер «Круглого стола» Звиад Гамсахурдиа. Выступая по телевидению 27 октября, председатель Национального Конгресса Ираклий Церетели обвинил представителя блока «Круглый стол» в покушении на лидера Конгресса Георгия Чантурия (он был ранен неизвестными накануне). Это не оставило сомнений, что противостояние будет лишь усиливаться. В этих обстоятельствах довольно большая часть антикоммунистически настроенного грузинского населения, которая в «нормальных» условиях отдала бы голоса за умеренные блоки партий, проголосовала за сильную антикоммунистическую власть.

По-видимому, и в будущем взаимоотношения новой власти и Национального Конгресса будут непросты.

Национальный Конгресс — представительский орган наиболее радикальных грузинских партий, большинство из которых бойкотировало выборы в Верховный Совет Грузии. Выборы в Национальный Конгресс прошли с 30.09. по 02.10. Из 200 депутатов наибольшее коли-

чество мандатов получила Партия национальной независимости (71%), и ее лидер Ираклий Церетели стал председателем Национального Конгресса. В Национальный Конгресс вошли известные представители грузинской интеллигенции - академик Нико Чавчавадзе, режиссер Резо Чхеидзе, философ Мераб Мамардашвили и другие.

«Как и два года назад, в отношении коммунистического Верховного Совета, мы будем находиться в оппозиции новому парламенту. Хотя репрессии по отношению к нам, вероятно, будут гораздо жестче, мы готовы к обороне», — сказала лидер Национального Конгресса Ирина Саришвили. Возможно, предупреждая такой исход событий, Католикос Всея Грузии Илия II издал 28 октября высочайший указ, в котором говорится: «Отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину убийства, объявить врагом грузинского народа». (Материал подготовила и интервью провела корреспондент агентства Postfactum Ольга Васильева)

«ЛЮДИ ПРОГОЛОСОВАЛИ ЗА СИЛЬНУЮ ВЛАСТЬ»

Интервью с лидером блока «Круглый стол — Свободная Грузия» Звиадом Гамсахурдиа, 30 октября.

Гамсахурдиа Звиад Константинович. 1939 года рождения. Закончил факультет западноевропейских языков, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Шота Руставели. Первый арест в 1956 году за организацию нелегального общества «Горгослани», ставящего своей целью достижение независимости Грузии. Второй арест — в апреле 1977 за организацию Грузинской Хельсинкской Группы. Приговор суда после публичного раскаяния по телевидению был довольно «мягким» — два года ссылки недалеко от Грузии. Является председателем Грузинской Хельсинкской группы, Общества святого Ильи Праведного, лидер блока «Круглый стол — Свободная Грузия».

РФ. По результатам социологических опросов, в том числе ваших союзников, в предвыборной борьбе лидировали коммунисты. Как вы можете объяснить неожиданный результат голосования?

З.Г. В этих результатах для меня нет ничего неожиданного. Народу надоела кремлевская агентура — он хотел создать национальный парламент. Социологические опросы были фальсифицированы коммунистами и агентами КГБ.

РФ. Ваш блок получил большинство депутатских мандатов. Таким образом вы будете избраны председателем Верховного Совета.

З.Г. Сам я этого не хочу, поскольку Грузия — аннексированная страна. Стоят оккупационные войска. Мафия — в местных Советах, где нужно скорее провести выборы для избежания саботажа. В этих условиях пост председателя Верховного Совета — слишком большая ответственность.

РФ. Как вы оцениваете будущую деятельность своих соратников в парламенте?

З.Г. Это надежные, деловые люди.

Эти качества проявились в разработке проекта Закона о выборах. Основные политические моменты, которые отличают их от советских выборов (ценз оседлости для кандидатов в депутаты, лишение избирательного права солдат и офицеров оккупационной армии), выдвинули мы. Впрочем, на первом заседании Верховного Совета Грузии мы постараемся кооптировать в парламент и представителей других блоков.

РФ. Как вы относитесь к своей оппозиции — КП Грузии?

З. Г. Мы сомневаемся, что КПГ создаст серьезную оппозицию в парламенте. Она может создавать какие-то банды, вроде Национального Конгресса, их агентура будет устраивать террористические акты, провокации, саботаж. Политической парламентской оппозиции не будет, у них нет парламентариев, которые смогут нам противостоять на языке политики.

РФ. Но они могут готовить альтернативные проекты.

З. Г. Могут, но кто их утвердит?! Их в Верховном Совете будет меньшинство. Даже когда они были правящей партией в Грузии, мы диктовали свои условия.

РФ. Коммунистов поддерживает негрузинское население.

З. Г. Это ложь. Секретарь ЦК КПГ Гургенидзе и секретарь райкома заставили армянское население в Ахалцихе голосовать за КПГ, угрожая им: «Проголосуете за неформалов — они вас расстреляют». То же самое было в Марнеули. Даже эти 30 процентов мандатов компартии набраны насильем, ложью, беззаконием.

РФ. Как сложатся ваши отношения с «другим органом волеизъявления народа» — Национальным Конгрессом?

З. Г. Национальный Конгресс — это коммунистическая агентура. В него входят члены ЦК КПГ Резо Чхеидзе, Нико Чавчавадзе. Основная

их цель — борьба с «Круглым столом». Они фальсифицировали выборы в Национальный Конгресс — грузинский народ не поддержал этих самозванцев. Их противостояние Верховному Совету может обернуться провокациями и террором, но проведение кампании гражданского неповиновения, которым грозит Национальный Конгресс, просто нереально.

Тем не менее, меры по роспуску Национального Конгресса парламентом Грузии приниматься не будут — у нас сейчас свобода. Пусть называют себя, как хотят, — ведь на Западе тоже есть клуб сумасшедших. Впрочем, своими глупостями они очень нам помогли. В предвыборный день выступление Церетели (председателя Национального Конгресса) по телевидению, в котором он полил меня грязью, имело обратные последствия. Народ расценил этот шаг как попытку помочь коммунистам на выборах, и это выступление прибавило нам 20 процентов голосов других оппозиционных блоков. Люди боятся дестабилизации и проголосовали за сильную власть.

«НА АРЕНУ ВЫШЕЛ БОЛЬШЕВИЗМ»

Интервью с членом Национального Конгресса, профессором Тбилисского государственного университета им. И. Джавахашвили Мерабом Мамардашвили.

Мамардашвили Мераб Константинович, 1930 год рождения, известный в СССР грузинский философ метафизики. С 1968 по 1974 год — заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии». В романе «Зияющие высоты» Александр Зиновьев назвал Мамардашвили — од-

ного из главных своих героев — Мыслителем. С 1980 года проживает в Тбилиси. Профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии АН Грузии. В последние годы известен был своими тесными связями с национально-демократическими кругами, со стороны которых, однако, часто подвергался критике за либеральное свободомыслие и космополитизм. Один из авторитетных идейных лидеров Национального Конгресса Грузии.

PF. Что заставило часть грузинской интеллигенции войти в Национальный Конгресс? Вас лично?

М. М. Причины две. Причем одна чисто грузинская: у нас еще сохранились такие понятия как дружба, дружеские связи, своя компания. Мои друзья входят в политический клуб, который принял участие в работе Координационного Центра. Это первое. Во-вторых, я считаю необходимым создание в Грузии политического табуса, который был бы внепарламентской концентрацией общественного мнения. Такая потребность существовала в Грузии — на ее волне возник проект Народного фронта, в котором сама идея реализована не была, что, кстати, его и погубило. А идея осталась. Идея создания некоего форума, который, с одной стороны, обладал бы моральным и интеллектуальным авторитетом, а с другой стороны, был бы школой парламентской деятельности, где люди обучались бы тем парламентским наукам, которыми они естественным образом не владеют (поскольку все мы выходим из одного темного туннеля в самого феномена политики). Сегодня политика как в России, так и в Грузии только рождается. Ни КПСС, ни Советское государство не являются по-

литическим феноменом, это особые социальные формирования, для которых нужны другие термины, а не аристотелевская квалификация.

PF. Тем не менее, каковы функции Национального Конгресса? Какой смысл вкладывают его лидеры в заявление, что «Национальный Конгресс будет субъектом международного права, который будет говорить от имени грузинского народа, но не органом власти»?

М. М. Есть такой срез слов, в котором слова значат ровно столько, сколько значения им придается. Национальный Конгресс будет таким, какое значение мы ему придадим, то есть частично то значение, какое придаю ему я. Может не получиться, может возобладавать какое-то другое мнение. Кто-то может вкладывать в слова «Национальный Конгресс» значение параллельной конкурирующей власти. Я против такого значения.

Сегодня на первый план вышла и другая функция Национального Конгресса — он должен быть противовесом возможным деспотическим претензиям Верховного Совета.

Существовала система — коммунизм, которая имела формальное, ритуальное большинство. Сегодня ситуация изменилась в том смысле, что победило безыдейное, то есть не имеющее никакого отношения к коммунистическим идеям, и даже противоположное по идеям, но реальное лицо самой системы как образа жизни, мышления, как форма социальных отношений.

PF. Как вы оцениваете результаты выборов в Верховный Совет, которые прошли 28 октября?

М. М. Основной результат выборов в том, что из возможного законодательства полностью исключен интеллектуальный элемент грузинской культуры и общества. Это печально. В остальном случившееся более внушает оптимизм. Борьба только начи-

нается. Борьба не внутри освободительного движения, а борьба с советским строем жизни, борьба с коммунизмом, как с системой жизни. На сегодняшний день коммунизм проявился своим реальным лицом — как определенный способ жизни. Понимаете, коммунизм до сих пор властвовал не идеями, а определенными реалиями. КПСС существовала не как партия политическая, а как способ жизни, государство было не государством, а идеологическим и моральным переплетением самой человеческой массы, которая фактически сама над собой властвовала, сама себя казнила, сама себя награждала. И никто никогда не мог столкнуться с властью, потому что она никогда не выступала с открытым забралом. Это свойство всякой абсолютной власти. Абсолютная власть — коммунистическая власть — может быть только аморфной, диффузно существующей в миллионах своих субъектах. Это закон.

Сегодня в Грузии сброшено покрывало с сути коммунистической системы. Теперь мы можем локализовать свой гнев. И это большой шаг вперед, хотя результаты выборов не явились прогрессом как таковым — ни экономическим, ни политическим, ни культурным, ни идейным.

В результате выборов вышел на арену большевизм, не прикрытый идеологией. Он не победил, потому что он должен был сначала победить освободительное движение. Более того, я думаю, что много людей, действительно жаждущих свободы и достойной жизни, находятся в рядах «Круглого стола». Они, безусловно, будут способствовать будущей динамике освободительного движения во времени, и многие из них, возможно, примкнул к Конгрессу. И освободительное движение будет сбрасывать свои идейные шкуры и приходиться к действительным

идеалам свободы и демократии и гражданского общества.

РФ. На чем основывается ваша точка зрения?

М. М. В Грузии идея свободы живет несколько тысячелетий, и я не думаю, что период в несколько десятилетий стал для нее роковым.

Трагизм нашего поколения состоит в том, что мы своей собственной шкурой должны платить за советское имперское наследие, за то наследие, которое отложилось в душах людей. За их немощ социальную, их немощ гражданскую, их немощ мыслительную. И возник вопрос: сможем ли мы вернуться из мертвого царства коммунизма в реальную жизнь, во время и в историю. Этот вопрос уже может быть сформулирован: опали внешние цепи тоталитарного режима? Могут ли вернуться к нормальной жизни русские? Грузины? В национальном характере и истории русских я вижу много такого, что толкает меня к отрицательному ответу. Что касается грузин, я не вижу пока положительного ответа, хотя я ближе к нему, поскольку у нас сохранились зачатки яростного индивидуализма и жизнелюбия.

РФ. Тем не менее, грузины проголосовали за сильную антикоммунистическую власть.

М. М. Сильную власть еще нужно создать. Мое воодушевление окрашено легким чувством отвращения к проявившимся чертам советского человека, формирование которого является единственным «достижением» 70-летнего коммунистического правления. Это человек нигилистического морализма или распределительной этики, это человек, обожествивший идею, что государство является молохом, перед которым никакие человеческие проблемы не имеют никакого значения. Мы все время находимся в вечном поиске, кому «сказать спа-

сибо, что живые». А как только этот вопрос овладевает душой, он губит гражданина, превращает человека в раба. Этот процесс достаточно глубоко поразил и грузин. Идея демократии и свободы воспринята как идея нового, но уже «справедливого» распределения — но не личной свободы.

Второе, что я называю «советизмом», — это потребность в идолах и связанным с ним рабством. В Грузии никогда до советского периода этого не было — каждый сам себе царь! Недаром у нас фантастический удельный разброс, и в то же время сохранение символа единства на протяжении всей истории. Нынешняя потребность в идолах является привнесённой в Грузию со стороны советской систе-

мы. Это вырождение нации, если под вырождением понимать то, что не вытекает из исторической традиции и вместе с тем существует как типичное, массовое.

Сегодня на выборах проявилось реальное лицо коммунизма, тот «советизм», который прижился в народе. И в этом смысле, у нас действительно «народная власть». Это позитивный шаг, и все теперь будет зависеть от здравого смысла, нерассуждающей страсти свободы, яростного индивидуализма — всего того, что каждый участник внесет в движение. Логика этих неустранимых явлений и может привести к чему-то хорошему, в той мере, в которой свободолюбие сохранилось в моем народе.

«ИМЕНЕМ СВЯТОГО ДУХА ПРИКАЗЫВАЮ...» ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПРИКАЗ

28 октября 1990

Во имя Отца и Сына и Святого Духа приказываю: отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину или невинность жертвы (убитого), объявить врагом грузинского народа.

Занести фамилию и имя убийцы в специальную книгу патриаршества и передавать из поколения в поколение

как постыдное и подлежащее осуждению.

Чрезвычайный приказ этот принят, дабы в Грузии навеки был изжит тяжчайший грех и преступление против Бога и нации — братоубийство.

**Илия Второй,
Католикос Всея Грузии**

ДОРОГА УБИЙЦ

РАССКАЗЫВАЕТ ОФСЕТ ДАВЫДОВИЧ ГЕВЗАЛЯН

...Были времена у нас в Армении — конфликты острые, азербайджанцы напали с разных сторон. У нас ребята собрались и пошли защищать границу — ведь гарантий не было...

Решили мы с ребятами ехать в НК директор наш родился там и обещал нас в командировку оформить: будете и работать, и беженцев охранять. Беженцы эти как чокнутые были: грабили их, били, убивали... Они не могли жить, оставили дома и бежали. И мы в эту «командировку» поехали. Нас двенадцать-тринадцать человек было — все наши, совхозные парни. У нас было ружье охотничье. В селе восемь штук ружей было. Так получилось, что все сразу встали и пошли защищать границу.

У нас цели не было воевать. Честно скажу, мы никогда не боялись, что к нам придут. Но заднего хода нет у нас. Потому что — убивают ведь. режут людей — натуральный геноцид.

...Прошло месяца два, все тихо было, и я поехал обратно. Где-то километров двенадцать ехали. Потом смотрим — вертолет летит прямо над нами. Посадку сделал, пятеро солдат вышли, он опять поднялся. Вертолет едва поднялся, как сразу начал стрелять. Честно сказать, не ожидали такого. Растерялись.

...Сначала не знаешь, из пулемета или из автомата стреляют? Главное

знаешь — стреляют! В машине мест пять пробито. Еле-еле из машины выбрались и лежали под машиной. Вертолет сверху летит и стреляет. Три пули рядом со мной попали. Как во сне!..

Эти солдаты подошли на метров 30 от нас и тоже начали стрелять беспощадно. Я не могу сказать, страшный ли этот момент был. Но если бы у меня ружье было — я стрелял бы. Вертолет впереди, деваться некуда. Ничего нет, чтобы спрятаться. Минут через десять одна пуля попала в ногу, и я не мог уже убежать. За камни спрятался, чтобы не убили меня.

...Подошел один солдат, Вадик звать его. До сих пор помню, потому что он добрый парень. Другой в меня целится, говорит: «Я тебя сейчас застрелю». Я страшно испугался. А Вадик ему сказал: «Не трогай!» — и мне начал ногу завязывать.

Потом подошли ко мне. Карабин в руках у одного был. И говорит: «Это твой карабин?» Я говорю: «Нет у меня карабина, я не стрелял, ничего не знаю». — «Нет, у тебя был, ты хотел стрелять». И меня оттуда забрали в вертолет. Вертолет тоже пробитый был, как моя машина.

На мне крест был — порвали, крест выбросили, как звери. Я психанул — для чего крест бросает? Значения не имеет, христианин ты или нет — вера же...

Подняли вертолет. В воздухе два раза открывали дверь, хотели убить и выбросить. Пугали нас...

Привезли в Степанакерт. Около двухсот солдат там было. Все вооруженные. В красных беретах. Меня положили на пол, завязали руки. Один узбек подошел и стал колоть ножом: «Кто ты? Кто с тобой был?» Я говорю: «Никого не знаю, ничего не знаю. Я не стрелял».

Один солдат шепнул. «Если хочешь спастись, чтобы азербайджанцы тебя не убили, скажи что карабин твой был и ты стрелял...» Сильно меня напугали. Я карабин взял и сказал, что он мой, но сам я не стрелял. Тогда мне сказали, что с этим карабином надо фотографироваться, — только это спасет тебя.

...Меня вынудили. Я хотел жить. Меня сняли на видеокамеру, а самого отправили в Степанакерт. Там русские были солдаты, комендатура. Честно сказать — там не били. Лейтенант сказал, если не скажешь правду, — мы тебя отправим в Шушу, там тебе сделают... Три раза он меня допрашивал. 8 июля прокурор пришел, и один молодой парень, русский, меня допросил. Культурно допрашивали — не били, просто пугали.

11 июля пришли двое азербайджанцев. Их пустили так, чтобы никто не видел, и они мне сказали: сейчас в Ереван повезем. Но я понял — в Баку меня отвезут, в Баку...

Я хотел было кричать, но врач мне сказал: не бойся, все хорошо будет. Если бы он врач был, он не сделал бы этого, а отправил бы меня в Россию. Что в Баку творится, он прекрасно знал.

Нас в машину посадили и повезли. Милиционеры Народного фронта Азербайджана были. В одном месте

остановились, поели, выпили, стали издеваться над нами. Говорят — облизывай ноги! — Зачем так делать? Лучше убейте. Я не стал делать, и меня не убили... Они меня избили так, что я уже дышать не мог, дубинками по голове. В какой-то момент я сказал, что нога ранена — так они дубинками по ноге...

Они дураки что ли, не понимают, что Бог один? Мусульманский или христианский, неважно... Мне больно за них, я знаю, что они необразованные люди.

...В Баку, в тюрьме, три дня меня избивали. Подряд. Ничего не дали ни пить, ни есть, спать не давали. Сначала руками били. Потом, наверное, у них руки заболели, пошли за дубинками. Из четырех человек двое с дубинками...

В этот день целый день били. Есть не дали, спать не дали. Как можно не давать спать? Сказали — стой, а если будешь спать или сидеть, тебя будут насиловать. Хочешь не хочешь — не заснешь... Вот я и не спал, почти с ума сошел.

На второй день дверь камеры открывается и врываются шесть человек, работники тюрьмы, говорят — сейчас тебе фитиль сделаем. Один уже штаны снял... Я давно знал, что они когда-нибудь с этим подберутся, и лезвие нашел, с собой всегда было. Держу лезвие на горле, говорю им, что если подойдут, я зарежу себя. И они вышли... Честно скажу, если бы подошли — я бы себя убил.

Позвал меня начальник тюрьмы и говорит: тебя не били, правда? Если скажешь, что били, — отдам тебя азербайджанцам. Потом меня отвели к заму министру, и я сказал, что меня не били. Я только одного боялся,

чтобы меня действительно не изнасиловали.

Мне замминистра сказал: «Возьми бумагу, напиши все по порядку». Он со мной по-русски разговаривал, а офицерам говорит по-азербайджански: «Сделайте всё, чтобы он написал. Напугайте его сильно».

Я по-азербайджански понимаю... Я в душе спокоен, пусть бьют. Они поели, коньяку выпили и начали бить.

...Этот замминистра — хороший человек, и то — сказал: не насилюйте его, а все остальное можно, чтобы написал. Представляете, что они за люди? Может, в тюрьме только они такие, может, в городе они хорошие, — не знаю...

Если честно сказать, я думал, что умру, потому что выдержать я больше не мог. Это страшно. Человеку надо попасть туда, чтобы понять, что такое боль. Два дня потом только меня не трогали. Да и то потому, что заставили расписку написать на десять тысяч... Сказали: жить хочешь, чтобы сзади тебя не «дергали»? Отправим тебя в Россию, только деньги отдай. Это последний день был. Потом пришли, сказали — отправляем. Подошел ко мне парень, Рашид. Я спрашиваю, что с нами будет, скажи по-братски. Он говорит: повезло тебе. Это не изнасиловали. Тебя сейчас отправят в Ереван.

Я думал, с ума сойду от счастья... Замминистра пришел, говорит, — вижу ты слабый парень, в смысле здоровья... Ну я же не могу ему сказать, — если бы тебе так делали.

сколько бы ты выдержал?.. Он говорит — удивляюсь, как это ты воюешь? Я сказал, что я не воюю. — Вы, говорит он, войны хотите. Я сказал, что войны не хотим, мы хотим правды. Я тогда уже начал открываться, говорить — терять было нечего.

...В камере я нарисовал на стене Иисуса Христа, и в день два раза — страшно было — молился. У человека есть разные заботы. Меня волновало только одно: чтобы не изнасиловали.

...Наверное, я слабый. Надо было ударить, чтобы меня убили. Но я жить хотел, вернуться сюда. Я стерпел. За это Бог дал дожить.

Послесловие: Офсет Гевзальян был захвачен десантом Советской Армии 27 июня 1990 года, во время незначительной военной стычки на армяно-азербайджанской границе, — как вскоре выяснилось, захвачен по ошибке. По словам одного из командиров армянского отряда, «там шел бой. Бой вели наши ребята с азербайджанцами. Он случайно там оказался, и был ранен... Это не крупный бой был. Это мелкий бой...»

Оказавшись «в плену», Гевзальян превратился, сам того не зная, в предмет обмена «военнопленными», где стоимость человека определяется, прежде всего, его причастностью к боевым действиям. Питками вырывая у него «признания», в последнем надсмотрщики исходили из коммерческих соображений — набивали цену живого товара.

...Все это было в Европе, этим летом.

ВИКТОР ДУДЧЕНКО

ГРАЖДАНИН-

НЕВИДИМКА

СОПРОТИВЛЕНИЕ И СИЛА «ЛАГЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Весь мир насилья мы разрушим...

* * *

*...А я выбираю свободу
Норильска и Воркуты*

(из песен)

1
Известный ленинградцам Анатолий Голов говорит: «...сейчас вместе с лагерными отношениями из нашей жизни уходят остатки культуры». Старик с экрана телевизора, не моргнув глазом, подтверждает: «В зоне я был свободен, свободен как никогда!» Сейчас, пройдя свой замысловатый путь до типографии, люди отрешиваются от homo soveticus'a, демонстрируя полное психологическое алиби в отношении былых стереотипов сталинизма. Я не знаю, может быть, я и есть этот самый homo, но учить новые правила у меня нет желания. Может, потому что я и к старым относился не лучшим образом. Я не радуюсь, видя в списке для голосования десяток имён кандидатов, из которых некоторые мне известны, скажем, даже многие.

Я не стремлюсь, из чувства ностальгии, к тому, что кажется тихой заводью порядка, но, вспоминая, как

в 63-м году в одиннадцать часов вечера в «лягушатнике» на Невском пожилая официантка отсчитывала нам, школьникам, с наших жалких эконо-мленных трех рублей сдачу до копейки, я чувствую, что в той жизни было что-то, спасавшее нас от режима. Знаете, не надо всем каяться.

Я берусь утверждать, что сказка о ничтожестве народа в тоталитарном государстве, — ложь. Говорят — народ молчал и был бесправен. Да, прав в системе этого государства не было, и свободы слова не было (а у многих ли сейчас есть вполне свои газеты?), но если бы все эти люди — «лагерная пыль» — не имели никакой своей воли и все делали по воле начальства, то и было бы все так, как написано в программе начальников, а не как на самом деле.

Глупо думать, что крах сознательно готовили начальники.

Начальство так безнадежно пыта-

лось скроить из них передовиков-ударников, что я не рискну обзвать их тупицами. А когда я вижу, как человек спортивно отряхивает со своих ног прах социализма и демонстрирует при этом совсем новый, самостоятельно списанный с умной книжки политический подход, я подозреваю, что раньше он сидел весь в этом самом сталинизме, что он не из тех многих, скажу теперь — лагерных людей, у него не было той защиты и перестройка началась для него в апреле 85-го года.

2

Лагерный человек в терминах современных политических описаний — сплошной негатив, перечень отрицаний. Об этом поют сейчас все в унисон, от «Огонька» до «Нашего современника». Причины, правда, указывают разные, кто винит родную партократию, кто международное масонство с сионистской подкладкой, но в том, что у этого человека все что можно отобрали, в этом сходятся все.

А ведь приказы приказами, а люди оставались людьми. Приказы начальников вместе с правами человека находились совсем в какой-то другой, неинтересной большинству плоскости. Лагерный человек игнорировал всю систему общественных публичных отношений, со всеми их идеологическими обоснованиями, позволившими превратить его, отдельного частного человека, в нечто невидимое.

Такой полный отказ людей от обанкротившихся публичных принципов политической и экономической жизни делает задачу описания этого способа коллективной защиты не по плечу политике. Это, скорее, работа для этнографа, готовящего контакт с инопланетной цивилизацией. Трудность здесь не просто в сложности поиска и интерпретации видимых,

фиксированных соглашений и обязательств между людьми, а в их принципиальном отсутствии.

Соглашения потеряли смысл.

Когда режим монополизировал все публичные формы социальной активности, защиту от режима и независимые, неискаженные связи между людьми поддерживало поведение. в терминах режима называвшееся «асоциальным». Оно могло рассчитывать на успех, только если в нем не оставалось уважения ни к каким публичным договорным, государственным обязательствам и структурам, ибо государство, публичные организации и политический язык общественных отношений предали свой народ.

Почему-то большинство авторов, исследующих коллизии тоталитарного государства, пишут об отношениях этого государства и отдельного человека или государства и группы лиц. Даже если эта группа достаточно велика, миллионы людей, все равно стержнем исследования, основной движущей пружиной остается отношение человек — государство. Я же хочу попытаться рассказать об отношениях между невидимыми лагерными людьми, нашей общей человеческой историей сведенными в этот удивительный «социалистический лагерь» и уже неспособными чтить беспомощные кумиры прошлого. Я знаю, что совокупный общественный механизм старой Российской Империи и европейской цивилизации прошлого века не предотвратил такого развития, даже если и пытался. Если так, то мне скучно заниматься реставрацией и склеивать обломки, которые в один прекрасный момент опять развалятся. Надо смотреть вперед.

3

Отказавшийся от фиксированных обязательств человек в письменной европейской традиции воспринимает-

ся как сторонник грубой силы, подлец, разбойник и плут. Любопытствующий посторонний иностранец сморгит на него, как на изгоя, по своей слабости или жадности нарушившего договор, забывая проверить, а был ли договор фиксирован? Человек с Запада привык, что все соглашения, обязательства фиксируются, и не может себе представить, как это могут быть нефиксированные обязанности. Наша власть, отменив фиксацию, моментально, даже в самых безбидных случаях, загоняет его в состояние глухой подавленности, перемежающееся истерическими вспышками, сопряженными с потерей человеческого облика. Иностранцы в тоталитарной стране выглядят как крупные дети, капризные и беспомощные.

Если здешний человек признавал необходимость выполнения общественных обязательств, заповедей и прочее, то начальники объясняли, как именно следует выполнять заповеди большим или маленьким смазанным винтикам машины властного произвола, в которой распределение паханов мафии точно соответствует номенклатурным спискам официальной власти. В этой машине тоже есть правила, если хотите, — мораль, и эта мораль обязывает выполнять то, что тебе скажут.

Если откажется — он будет один, свободен и вне закона.

Лагерный человек понимает, что всякое его действие, так же, как и действия других, есть насилие. Противоположное насилию действие по праву возможно только там, где есть общая норма, социальный контракт, а соглашения между людьми, не защищенными от произвола, — бессмысленны. Он знает, что для лагерника правил и независимой морали нет и ему незачем искать ее, — общая видимая мораль объединяет только надзирателей.

Это знание сразу делает ненужной шелухой все условности, изобретен-

ные чтобы удобней заключать фиксированные соглашения. Нет смысла поручать и представлять, поскольку никаких обязательств ни перед кем не может быть. Нет смысла создавать организации и объединяться — каждый обречен независимости, и нужды в доверии нет. Не имеет смысла авторство, поскольку ни к чему надеяться на суд потомков. Бессмысленны любые запреты, каждый может делать все, что сделать в состоянии. Так лагерный человек получает прерогативы, недоступные, пожалуй, и древним царям.

Впрочем, оказывается, что использовать эти полномочия ради собственного «живота» тоже смысла нет никакого, потому как и живота-то — нет.

...Тут вдруг лагерный человек как бы ускользает от власти, исчезает со всеми потрохами. Исчезает его видимая начальству личность вместе со всеми государственными повинностями — из-за своей несущественности для него самого. Наш герой понимает, что в любой момент вместо него существует только то, что он сейчас делает, а никакого другого момента не будет.

Если он полон сил и еще хочет жить, то он хочет, чтобы в его действиях был смысл. Поскольку снаружи, в общественных структурах, ничего, кроме чехарды послушных начальников, нет, и дело свое он должен сделать один; он, как первый человек на Земле, начинает творить мораль (смысл) сам. Оживает средневековая ересь о присно сущем Евангелии.

Целью такой морали служит она сама и никакой корысти в ней поэтому быть не может. Мораль эта получается у каждого отдельного человека и каждый раз заново. Она не формулируется для передачи другому и всегда решает конкретную задачу.

Это странное свойство. Например, у лагерного человека не может быть

моральных проблем — он всегда узнает, как надо поступить. У него нет соблазнов, вернее, только один — признать чужую мораль и стать надсмотрщиком, но это уж больно паскудная перспектива. Начальником быть стыдно, и чуют его издалека.

У него нет этических проблем. Он знает, что лишь он один, как суверен, за свой страх и риск может отделить дурное от морального (осмысленного), и это избавляет его от ответственности перед людьми.

У него нет эстетических проблем. Без надежды иметь хоть что-нибудь, кроме того дела, которое он сейчас делает, он только по сообразности его судит о том, хорошо ли оно, и делает его единственным образом. В жизни лагерных людей нет суеты, и видно, что даже самую малость изменить в ней безнаказанно нельзя.

Перечисленные особенности имеют следствием способность таких людей игнорировать силу. Это не значит, что лагерный человек становится сильней всех прочих. Просто сила уже не сможет вмешаться в ход выработки его решений. Не остаются никаких прорех и трещин, через которые внешние обстоятельства могли бы влезть во внутреннюю жизнь такого субъекта. Любое воздействие останется внешним обстоятельством, важным или мелким, но неспособным ни напугать, ни поманить. Лишившись всего, что оправдывает существование политического общества, выжившие идут вперед без страха и надежды. Место личности лагерного человека занимает сделанная им мораль. Эта мораль жестокой и единственной необходимостью бросает его как камень из пращи, как абсолютное оружие — его нельзя свернуть с его дороги. Он уже перешагнул тот порог, за которым он свободен, наконец, свободен!

То, что я описал в предыдущем разделе, это все-таки достаточно крайний случай, хотя должен сказать, что таким крайним он стал выглядеть, только будучи изложен словами на бумаге. В жизни такие поступки ощущаются как вполне естественные и спокойные, и они вполне соответствуют обстоятельствам. У Милоша Формана, например, когда в его версии «Полета над гнездом кукушки» индейский вождь убивает своего прошедшего обработку друга, это тоже вполне понятно, морально и естественно. Стоя с подушкой в руках над спящим Макмэрфи, он думает не о своем «праве» сделать то, что он сейчас сделает, а сравнивает риск своего побега, в случае поимки кончающегося такой же обработкой, и тяжесть существования товарища, насильно лишенного способности принимать моральные решения.

...Слабые и немощные, у которых объединенный своей неподвижной моралью режим отнял все права, подкосили величайшую державу мира, созданную, чтобы управлять ими. Надсмотрщики не замечали ничего. Надсмотрщики искали врага, имеющего интерес, цель — скинуть их и отобрать у них государство. Таких было мало, и, разыскивая эти единицы, власти лишний раз убеждались в незыблемости своей державы и продолжали понукать, заставлять, стимулировать.

Я уже говорил, что начальником может стать только тот, кто признает публичную мораль и согласится подчиняться ее правилам и начальникам, которых эти правила поставят над ним. Мораль эта может быть самой изуверской, но при этом все равно будет выглядеть как мораль. Для признающих ее она так же священна, как моисеевы скрижали, и так же необходима, как костыль инвалиду. А

уж взнудать человека, повязанного каким-нибудь высоким моральным долгом, — на это наши начальники мастера.

Любопытно, что в этом случае суть морали безразлична. Не только просветленные большевики смиренно топали на бойню, но даже деятели вроде Бориса Савинкова не уклонялись. А сколько их мы и не знаем? В России искусство беззастенчивого манипулирования людьми, беззаветно преданными общей объединяющей людей публичной идее, имеет заслуженные, хоть и не очень известные корни. Николай I Романов был в этом деле мастер — из декабристов один Вильгельм Кюхельбекер пытался скрыться и, похоже, был несговорчив на следствии.

Прежние люди думали, что существует нечто — завет какой-то нерушимый, или еще что-то, для всех людей общее, для всех бесценное, что неизмеримо важнее, чем все их личные затеи. Однако умные начальники быстро выяснили, что «общие» идеалы легко приспособить для домашних надобностей власти — и послушные идеалу станут слушаться ее несложных понуканий. Они верили, что, захватив идола и приспособив светоч, они завладеют человечеством навсегда.

Но они споткнулись о то, что считалось слабостью: лагерных людей невозможно сделать лояльными. Как бы немощен и слаб ни был лагерник, но свою жизнь он проживает сам, с набоковским «презрением к действительности» — его никому не удастся использовать в своих целях.

5

Лагерный человек, лишенный возможности использовать общественные соглашения, договаривается с са-

мой действительностью. Разных общественных конструкций, объединяющих людей, может быть много, а мир, в котором висят эти конструкции, — один. И он один одинаково учит подопечных, как жить. Язык его уроков невнятен, но если, прислушиваясь к нему, заговорить самому, то этот твой собственный язык становится понятен всем, с кем ты в этот момент хотел бы договориться. Твои поступки оказываются ясны, и другой не плурует в догадках, кто же ты есть. Если ты не делаешь ничего такого, что тебе самому отвратительно, и не пытаешься сам избежать последствий, ты живешь в мире с людьми и твоя воля становится законом вещей.

...Эти люди идут вперед, каждый своей тропой, со стороны нельзя увидеть, куда они идут, и каждый, в общем-то, не связан никакой целью. Снаружи не видно логики, и наблюдатель, попытавшийся найти и вычленивать детали механизма согласования, не разберет ничего. Согласованием их действий за них самих занимается тот мир, в котором они живут.

Никто другой не помог бы им. Кому нужны разговоры о добре и морали, тот не почувствует смысла жизни: он теряет способность помогать людям и гибнет сам либо становится надзирателем — и неизвестно еще, что страшнее.

Что дальше? Неясно. Стреляного воробья на мякине не проведешь — лагерные люди не спешат менять свою защиту на плюрализм и конкуренцию, даже если впереди обещают «правовое государство».

Сумеет ли человечество воспользоваться их опытом, опытом людей, уже повидавших гибель цивилизации? Или впереди у нас новая попытка сплести над человеком новую сеть обязательств, — а потом, по наезженному пути, новый крах?

СРЕДИ ЯЗЫЧНИКОВ

ФИЛОСОФ ЮРИЙ СЕНОКОСОВ ОБ УБИЙСТВЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

— Юрий Петрович, четверть века были близким другом отца Александра Меня, фигура которого сейчас, после его убийства, становится символом всего самого светлого, что есть в современном православии. Об этом написано уже немало. Но что это был за человек в жизни и дружбе? Как вы познакомились? Что связывало вас все это время?

Я действительно был знаком с отцом Александром двадцать пять лет. Это был несомненно незаурядный и цельный человек, и очарование его личности останется со всеми, кто хоть немного знал его. Помню, уже во время первой встречи с ним (мы виделись и общались обычно у него дома) он поразил меня именно разносторонностью и талантом своей личности. Я никогда не замечал в нем фальши. Его открытость, доброта, тактичность, артистизм, мне кажется, были, конечно, связаны с его даром священнослужителя. Но ведь этот дар нужно было реализовать! Причем не где-нибудь, а в давящей атмосфере времени, в стране «развитого социализма».

Последнее, однако,— внешняя сторона, на которую он сам, хотя его долгие годы преследовали и постоянно угрожали, — вплоть до последнего

трагического дня — очень редко обращал внимание. Свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям. Ибо считал, что если люди уходят от Бога, то неизбежно приходят к идолам.

Повторяю, он был удивительной личностью. Другого слова я не нахожу.

— А как вы познакомились, случайно?

— Случайностей в сфере духовной жизни, я думаю, не бывает. Нас познакомил Женя Барабанов, один из авторов будущего сборника «Из-под глыб». Помню также, что при этом присутствовал Володя Кормер, ныне тоже покойный. (Кстати, недавно в журнале «Октябрь» был напечатан его роман «Наследство», одна из сюжетных линий которого — «Катакомбная церковь» — прямо связана с историей семьи отца Александра.)

Всех нас интересовала тогда русская религиозная философия, мы встречались, обменивались мыслями и в какой-то момент по старой русской традиции решили перепечатывать на машинке и распространять среди друзей книги Н. Бердяева, С. Франка, С. Булгакова, Г. Федотова. Несколько позже была переведена с английского и таким же образом напечатана работа Николая Зернова «Русское религиозное возрождение

Сенокосов Юрий Петрович. 1938 года рождения, выпускник исфака МГУ, специалист по истории русской философии, сотрудник редакции журнала «Вопросы философии».

XX века» (В 1974 году она вышла в Париже, в издательстве ИМКА-Пресс.— Ред.)

Отец Александр, блестяще знавший русскую философскую традицию и особенно ценивший Бердяева и Владимира Соловьева за их, как он выражался, «вселенский горизонт», естественно, одобрил это начинание, поощряя в то же время и наши собственные занятия в этой области.

Отличала его личность и еще одна, крайне необычная у нас черта — открытость мировоззрения. Именно она и раздражала больше всего, на мой взгляд, представителей официальной Церкви, видевших в нем «отсупника-экумениста». Его обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам, а после того, как некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, стали баптистами, упрекали, как он мог это допустить. Естественно, от этого он страдал и сам. Но понимал, что эти люди не ушли от Христа, и не осуждал их.

С другой стороны, ему постоянно напоминали о себе (он был еврей) «русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

Что касается его отношения к католикам и протестантам, то оно определялось, конечно, не желанием слияния Церквей — он понимал, что это невозможно. Однако, считал, что экуменическое движение тем не менее должно развиваться. Иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь Она самая истинная, самая великая. А он как бы видел относительность такого понимания.

Но не в смысле релятивизма, а в смысле уважения прежде всего к своей же Церкви. Такое понимание религии и определяло динамический характер его мировоззрения. У него

был другой, отличный от господствующего, горизонт видения. Он воспринимал духовную традицию и нес ее в себе, как живую, — от древней библейской веры через Новый завет отцов церкви и до нынешней религиозной практики.

В этом смысле он не был просто «реставратором». Прошлое никогда не интересовало его само по себе. Он искал в нем как бы подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Все его книги, за исключением многотомного Био-библиологического словаря, над которым он работал в последние годы, были объединены в серию, которую он так и назвал: «В поисках Пути, Истины и Жизни». Одну из книг из этой серии «Вестники Царства Божия» — о библейских пророках — я считаю самой вдохновенной его книгой.

— И вот этого человека не стало. И пока фактически ничего не известно о причинах его гибели, о мотивах преступления. Широкой публике приходится лишь гадать, кто и за что его убил...

— Отец Александр, конечно, жертва, но не в том смысле, как обычно думает об этом русский человек, склонный верить, что все вокруг — жертвы несправедливости и обмана. И чем большее зло и обман его окружают, тем он легче в это верит, тем охотнее говорит о себе и других, как о жертве обязательно неких тайных враждебных сил, злого умысла, предательства и т.д. Нет, убитый — скорее жертва, принесенная слепцами как бы во имя искупления собственных же грехов. Это языческое убийство, совершенное теми, кто продолжает думать, что такого рода вещи могут действительно повлиять на какой-то выход из того кризиса, в котором мы находимся. Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало, какая-то своя вера, сформировавшая-

ся в нашей же отечественной культуре. Это феномен «православного язычества», как бы парадоксально это ни звучало.

Очевидно, массовое религиозное сознание живет по каким-то своим законам (пока не понятным нами), и в его недрах могут совершаться чудовищные трансформации самых светлых начал — в преступление.

В истории русской культуры произошло по меньшей мере два трагических события, предопределивших во многом сегодняшнее состояние нашего общества. В XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная церковь. А в XIX веке — в результате убийства Александра II — наступила трагедия русской государственности. О характере первой трагедии рассказывает, в частности, Георгий Федотов в своей книге «Святые древней Руси».

— Если я не ошибаюсь, эта книга была недавно переиздана в издательстве «Московский рабочий» с предисловием как раз Александра Меня?

— Совершенно верно. Федотов пишет, что победа вступивших в союз с властью иосифлян в борьбе с «нестяжателями» означала надлом духовной жизни народа. С этого времени, то есть примерно с середины XVI века, не только в религиозной, но и в общественной жизни страны и устанавливается тот тип, выражаясь церковным языком, «уставного благочестия и обрядового исповедничества», который вовсе не помешал уже Ивану Грозному прибегнуть в своей политике к самой дикой жестокости. Не случайно, замечает Федотов, причина была задумана Грозным как монашеский орден. Это было первое «великое духовное кровопускание».

Русское государство, поработив Церковь и вместе с ней начала свободной духовной жизни народа, было, в сущности, уже поэтому обрече-

но на своего рода будущее самоубийство. Когда в 1881 году был убит Александр II, то это был убит царь, который как раз и стремился своими реформами проложить путь в том числе и к духовному оздоровлению общества. Но копившееся веками зло, не сдерживаемое духовной, свободной работой, не могло, видимо, не прорваться в какой-то момент в виде «языческого наказания». Ведь царь-реформатор был убит, в сущности, собственным народом. Убийство же в 1918 году Николая II лишь закрепило эту форму безумия в нашей истории. Подобное разрушение духа и власти в стране могло быть компенсировано лишь еще более чудовищным насилием. И я думаю, что мы переживаем сейчас, после «второй отмены» крепостного права, если угодно, завершающую фазу этой многовековой трагедии. В какой-то мере отношение публики к Горбачеву сравнимо с отношением к Александру II.

— То есть, вы считаете, что убийство отца Александра было тем самым неизбежно?

— Хотя это звучит дико, в каком-то смысле — да. Сама возможность подобного убийства естественна для этого общества.

— Но ведь убивали не только в России. Вспомните эпоху Религиозных войн, например, во Франции. А что касается Александра II, то его убийство было связано не столько с проводимыми им реформами, сколько с попытками устранить их естественные следствия.

— Несомненно. Но тотальность идеологизации конфликтов в России была и, кажется, остается беспрецедентной для христианского мира.

Вспомним хотя бы о смертельной схватке, которая началась в России практически сразу после отмены крепостного права (1861 год) между «монархистами» и «анархистами» или «нигилистами». То есть сторонника-

ми самодержавной системы власти и ее радикальными противниками, заявившими о необходимости полного искоренения «всякой государственно-сти со всеми ее церковными, политическими, военно- и граждански-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями».

Ведь это — открытая идеология социальной мести, самоубийственной для самого существования народа. В каком же состоянии должны были находиться страна и народ, чтобы появилась эта идеология мести в христианской стране? Как она вызрела? Кто несет ответственность за это — правительство или народ? Или интеллигенция? Самое страшное, что логика «зло за зло» неизменно находит оправдание в якобы духовных ценностях. В одном случае — «истинного православия» и попранного величия России, в другом — «общественной справедливости». Причем механизм оправдания предельно прост. Для этого просто нужно прежде чем убить человека, перестать считать его человеком и назвать, например, предателем. Или врагом народа. Или жидо-масоном. Это было уже множество раз — и повторяется вновь и вновь. В этом и состоит, на мой взгляд, проявление языческого нача-

ла в нашей культуре. Люди продолжают верить в «очищающий», ритуальный смысл наказания. Что, якобы, в результате наказания, мести обязательно что-то изменится. Если сохраняется атмосфера насилия и страха и, более того, под знаком кригики «русифобии» активизируется самое темное, агрессивное начало жизни, то убийца всегда найдется. Как это и произошло в случае отца Александра. Он исповедовал идею терпимости и верил в возможность сосуществования разных жизненных позиций и точек зрения в христианской культуре — и был убит за эту исповедь.

— **И как вы считаете, насколько оправдана была эта его вера? Ибо после всего сказанного вами, надежды, кажется, не остается.**

— Что касается России, то я думаю, что надежда все-таки существует. Или, вслед за Кантом, я бы ответил так. Наше упование на Бога в данном случае должно быть настолько полным или абсолютным, чтобы не оставалось никакой надежды на Его участие в наших делах. Лишь чувство собственной полной вины может сделать нас по-настоящему свободными, а значит — ответственными в этом мире.

Беседу провел Андрей ФАДИН

Михаил МАЛЮТИН

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Возможно ли в 1991 году политическое убийство, и кто может стать его жертвой? Вопрос о том, были ли в России **политические убийства** в уходящем 1990 году, пока не представ-

ляется возможным разрешить однозначно. При довольно странных обстоятельствах скончался в Новочеркасске занимавшийся трагедией 1962 года Петр Сиуда, анархист. Погиб в

автокатастрофе глава «Комитета борьбы против восстановления дипломатических отношений с Израилем» историк и философ Евсеев, объявленный на митинге «Памяти», Объединенного фронта трудящихся и других фундаменталистов жертвой «сионистского террора». Но было ли это действительно убийством? Зарублен топором протоиерей Мень, один из духовных вождей обновленческого крыла русского православного клира (еврей по происхождению), но было ли это убийство политическим? Во всяком случае, ни одна из тысяч существующих в настоящее время, в стране организаций и групп, претендующих на статус политических, официально не заявляла о готовности для достижения своих целей прибегнуть к насилию. «На грани» все время находились в своей пропаганде русские фундаменталисты расистского толка, что и кончилось в конце концов судебным приговором к двухлетнему тюремному заключению их наиболее страстного трибуна Смирнова-Осташвили, но применительно к этой группировке слово «насилие» скорее означает погром, чем индивидуальный террор, да и вообще от скандала в Центральном доме литераторов за версту разит политической провокацией, причем многослойной — как по числу организаторов, так и по количеству целей, убиваемых одним выстрелом. Еще в 1987 году, пытаясь разобраться в ситуации в Москве (материалы об алма-атинских событиях декабря 1986 года попали мне в руки двумя годами позже), я на первых же конференциях и совещаниях формировавшихся тогда «неформальных объединений» употребил термин, хорошо известный специалистам по «истории современности», — стратегия напряженности. Фактически, изучением этой темы «на дне» автор этих строк никогда не занимался (один из

моих друзей того времени, журналист Владимир Глотов, заплатил жизнью за попытку понять, как связаны мафия, радикальное крыло афганских ветеранов — он сам прошел эту войну — и какие-то силы, стоящие за боевиками «Памяти»).

Но как чистому теоретику, на «кончике пера» мне всегда было ясно, что существует настоящий «спрут», в котором разнообразными нитями повязаны наиболее оголтелые из «неформалов» любой части идеологического спектра, уголовщины, «теневиков», спецслужб, восницы и истеблишмента, более плотный в компактных национальных регионах, но центр которого в такой сверхцентрализованной стране несомненно находится в Москве. Пока разные составляющие этого «невидимого правительства» объединены формулой «чем хуже, тем лучше». Одни из них — за «поражение своего правительства» пока сами им не стали (нам не привыкать, после того как одна знаменитая партия мигом перестроилась 25 октября 1917 года и стала «вдруг» за «защиту Отечества»). Другие давно догадались, что «конец света в одной отдельно взятой стране» в силу ее масштабов и исторических традиций никак не может быть мгновенным, с ним нужно научиться жить — то есть максимально нажиться, а следовательно, в идеале концу света не должно быть конца. Только в рамках так понимаемых условий задачи можно, на наш взгляд, попытаться дать ответ на поставленные вопросы: да, политические убийства в России в 1991 не только возможны, но и вероятны с достоверностью, приближающейся к неизбежности. Не очевидно другое — будут ли организации и силы, открыто берущие их «на себя», ибо при нынешнем состоянии правоохранительных служб — и в особенности общественного доверия к ним — об-

ественное мнение поддается элементарным манипуляциям и будет «видеть» то, чего нет,— и не видеть того, что есть. Если же говорить о возможных покушениях не на «неформалов», а на лидеров общенационального порядка, то эта акция имеет смысл только как элемент государственного переворота. Пока (октябрь 1990) сил, готовых на подобные «подвиги», в расчете на то, что «народ их поймет», не видать ни в «верхах», ни в «низах». Народ, судя по данным опросов, в то, что переворот будет, в абсолютном большинстве не сомневается, в погромы верит тоже (не ясно только, кого будут бить, — коммунистов, евреев или «косоглазых»), но те же самые 80—90 процентов на вопрос о том, собираются ли сами

принимать в этом участие, отвечают отрицательно в диапазоне от «мне что, больше всех надо» до «да я что, ненормальный?» Пока это обнадеживает — «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и не пахнет, ибо за семьдесят лет великих побед и свершений осмысленность стала фактом, и пошады не будет самим убийцам. Вопрос в том, сколько они сумеют стоптать в этот раз, пока «колесо возмездия» не доберется до них самих, и не утащит ли на этот раз данная воронка на дно водоворота не только страну, но и все человечество. Но это не снимает вопрос вопросов — когда и как «поднявший меч от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля»...

(Окончание со стр. 8)

ностей, навыков, без которых невозможно дальнейшее выживание общества. Такое общество, вытесняющее маргиналов и способное рассуждать только о том, как много, мол, все мы теряем: ведь уезжают ученые руки и рабочие головы,— такое общество не теряет, но глубоко и непоправимо меняет свою природу, впадает в уродство, черты которого само уже никак не может оценить по достоинству. Русские дети учатся в ма-

леньких немецких городах новому родному языку. Одна девочка сказала, что даже когда она полностью забудет русский, у нее останется в памяти стихотворение Блока, в котором есть слова, посвященные казахстанским немцам — про «путь степной», про «путь в тоске безбрежной». Продолжения она уже не помнила. Да и зачем ей? «Ханской сабли сталь» потеет под тяжелым дыханием оставшихся в степи.

«ПЯТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

В. БУЕВ

«Клиенты» колонии для иностранцев и лиц без гражданства, утонувшей где-то в глубинах Мордовии, дали отдаленному месту своего пребывания название «Пятый Интернационал».

На вопрос, имели ли какое-то отношение к предшественникам «Пятого» чьи-то спецслужбы, зеки-иностранцы вряд ли смогут ответить. А то, что к «интерколонии» непосредственным образом причастны спецслужбы КГБ, двое из здешних иностранцев утверждают чуть ли не с пеной на губах. Это Абделкарим Юсеф Али, гражданин Ливии, и Юсефи Фархат Нейманулла, иранский курд.

Первый осужден летом прошлого года за изнасилование несовершеннолетней. Бывший курсант Киевского высшего инженерного танкового училища. Однако называет себя «офицером ливийской армии». Предполагает, что именно последнее обстоятельство привлекло к нему взоры советской госбезопасности.

По словам Абделкарима, представители спецслужбы несколько раз вызывали его и обрабатывали, пытаясь завербовать. Последний раз это случилось в тюремной больнице, где Абделкарим лежал с конца весны по начало лета этого года.

— В то время приехал ко мне некто в гражданской одежде. Здесь в зоне он бывает часто. Имени его я не знаю, звания тоже. Мы называем

его «Усатый». Говорит мне: «Я знаю, что у тебя есть невеста в Союзе, русская, могу помочь тебе на ней жениться». Он знает, что на это мне нужно разрешение моего государства, посольства. За «услугу» предложил мне работать на КГБ и здесь, и в Ливии. Но зачем мне такая жена? Если я буду работать на них здесь, то потом куда не денусь: придется и в Ливии...

На вопрос: «Зачем это нужно КГБ?» — ливиец ответил, что его хотели использовать как военного, который может получить доступ к секретам своего государства. Как уверяет Абделкарим, от предложения сотрудничать он отказался: за это «придется дорого платить».

— Нет ни одного человека в мире, который работал бы с органами безопасности и жил спокойно... И я всегда буду ждать смерти то ли от ваших, то ли от наших.

Абделкарим утверждает, что рассказать о том, как «особисты» вербуют себе агентов для будущей работы в иностранных государствах, мог бы «один негр из Чада по имени Омар». Однако, по его словам, негра повесили, записав, что повесился сам.

— Не бывает такого, поясняет Абделкарим, чтобы человек сам повесился, завязав себе руки за спину, а рот — платком. Это невозможно, это кто-то сделал.

Не только у Абделкарима возникла

обиды на советскую спецслужбу. Недоволен ею и иранец Юсефи Фархат Нейманулла.

В июле 1983 года он первый раз незаконно перешел границу СССР. Но... вместо суда получил право на жительство в Союзе с поселением в Минске. Через два года вернулся в Иран. Причины такого возвращения приговор и сам Юсефи указывают разные: приговор — по собственной просьбе иранца. Юсефи — его туда послали. Через несколько дней Юсефи, нарушив границу, опять оказывается в СССР, после чего снова «выдворяется» за кордон.

— Дали мне 500 иранских туман, забрали вещи и — в Иран, — заявил Юсефи, но кто его послал и с каким заданием, сказать отказался. На вопрос, связано ли это с госсекретами СССР, Юсефи ответил, что нет, но все равно «сейчас это для меня опасно».

Юсефи рассказывает, что раньше в Иране многих людей объявляли шпионами Советского Союза и расстреливали. Его, однако, не расстреляли, хотя и арестовали. Официальный источник информации гласит: за антигосударственную деятельность он получил 10 лет условно. Но уже в 1986 году Юсефи призывают в армию. Его ждет ирано-иракский фронт. Дезертировав и проскитавшись четыре месяца по всем углам Ирана, Юсефи вновь оказывается на советской территории.

— Когда меня арестовали и привезли в Баку, то угрожали: если не подтвердишь, что бежал в СССР, чтобы скрыться из армии, что ты антисоветский элемент и работал в пользу западных стран, то отдадим тебя иранским властям. Сначала я отказывался, но потом согласился. Я бы тогда хоть на 10 лет согласился, лишь бы не идти в Иран...

Суд оказался «гуманнее», чем предполагал Юсефи, и определил ему че-

тыре года срока. По словам самого иранца, здесь для него началось самое страшное. Юсефи предложили освобождение максимум через неделю, засылку в Иран и работу на КГБ.

— Я ответил: пойду только в том случае, если пошлет или моя партия, или КПСС — как братская. И только в том случае, если это не будет против моего народа. Против государства — это неважно. Главное — не против народа...

Видимо, предложение спецслужбы все-таки задевало и интересы его народа, раз в конце концов Юсефи отказался.

— Предлагавший мне особист из Саранска назвался представителем власти. Он немножко знал фарси, но говорил с азербайджанским акцентом. Он сказал так: не согласишься, заработаешь туберкулез, лишний срок и тяжелую работу.

В личном деле Юсефи есть вызов в следственный изолятор КГБ города Саранска от 16 ноября прошлого года, подписанный зампрокурора Мордовии Адушкиным. Юсефи утверждает: тогда ему пообещали, что пересмотрят дело, но обманули. Теперь же уехали в санчасть, где страшная сырость, — не продохнуть. И это нарочно, чтобы туберкулез развивался быстрее.

Многие вещи в биографии Юсефи действительно кажутся странными. Его непрерывные (3 раза) и «удачные» хождения через кордон тогда, когда отношения между СССР и Ираном были далеко не лучшими. Непонятно и то обстоятельство, что администрация колонии три раза готовила и отправляла в столицу документы на условно-досрочное освобождение Юсефи, но все три раза ходатайства были отклонены Москвой. Один из членов администрации в конфиденциальном порядке признался, что, возможно, тут и есть «какие-то политические причины». Такой поворот

событий Юсефи связывает именно со своим отказом пойти с КГБ на сделку.

Всяких разговоров об «особистах» избегает и администрация «зоны», и сами осужденные. Зэк — переводчик с английского, услышав один из вопросов, отказался переводить, аргументировав это тем, что ему «еще долго топтать башмаки» арестанта. Швед Янссон Хелль, согласившись говорить об отношениях администрации и осужденных, тему КГБ затрагивать тоже не захотел. Кто-то вместо ответа потуплял глаза.

В штате «зоны» «кагэбэшников» нет — они в управлении. Из неофициальных источников удалось узнать,

что на все управление бывшего «ПОТЬЛАГа» их приходится около двадцати человек. По всей видимости, доступ в «интерзону» они имеют свободный. Тем более известно, что все дела в Советском Союзе, как уголовные, так и любые другие, связанные с иностранцами, ведет только КГБ. Не ясно только — что спецслужба делает в колонии для уголовников? Если Юсефи и Абделкарим говорят правду, то не является ли «Пятый Интернационал» вербовочным пунктом КГБ для последующего создания и работы агентурной сети за границей? Юсефи и Абделкарим, как они говорят, отказались, но кто-то ведь и соглашается...

БОГ, СТРАХ И СВОБОДА

Денис ДРАГУНСКИЙ

В иных местностях народ не понимает решительно ничего, ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш». И, однако, во всех этих невоспитанных умах воздвигнут алтарь Неведомому Богу.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Власть коммунистической идеи заканчивает свое существование и как фактор мировой политики, и как индивидуальный духовный опыт сотен миллионов людей. Страх отступает. Наступает свобода. Возвращаемся к Богу. Из тупика парадов, салютов и кумачовых полотнищ вырливаем на деполитизированный простор, где в синем небе золотятся маковки церквей и звучит далекий благовест утреннего звона.

Сказывается усталость от бесконечных социальных экспериментов. Поэтому самыми крепкими, самыми притягательными и популярными становятся идеи возвращения к истокам, возрождения, реставрации. Не так важно, что именно возрождать, главное — не строить заново, не идти в который раз непроторенным путем. Такое общественное настроение понять легко. Другое дело, что вытасненные из прошлого идеалы — начиная от великой и процветающей Российской империи и кончая «неискаженным» марксизмом-ленинизмом — все это соблазн и миф, точно такой же миф

— идиллическое православие, легенда о Святой Руси. Официально-православная Россия не была христианизирована, не была евангелизирована на уровне личного мировоззрения и опыта. Об этом свидетельствовали и Победоносцев, и Розанов, и Соловьев, и даже Чехов: истово верующая Ольга из рассказа «Мужики» со слезным умилением произносила непонятные слова дондеже (пока не) и аще (если). В примитивной военной монархии, какой являлась Россия, церковь была госучреждением, Главпуrom империи и духовный подвиг отдельных ее служителей не меняет дела.

Идея государственного православия сохранилась в исторической памяти современных консерваторов, и вот уже церкви предлагается занять место КПСС в авангарде борьбы за светлое будущее (М. Антонов). Слово «духовность» со всевозрастающим церковным наполнением звучит с телеэкрана и со страниц газет так же часто и в тех же контекстах, как ранее — «партийность». Появилось

кошмарное сокращение РПЦ, подверстывающее Русскую Православную Церковь к известному политическому ряду. Мне уже приходилось беседовать с молодыми людьми — слава Богу, не священнослужителями, а чиновниками — которые сами себя именовали «представителями РПЦ». Свято место пусто не бывает.

Бог — если отвлечься от чисто богословских истолкований — всегда был средоточием высших, непреложных нравственных норм. Но приходится говорить в прошедшем времени — «был». Во всяком случае, таким высшим судьей был скорее «Неведомый Бог» давней российской глухомани, чем утонченный и одновременно очень рациональный и удобный Бог нынешних новокрещенцев. Тех, которые бегут в храм кто с партсобрания, кто из театра-студии, кто с националистического митинга, а кто и с эстрадного концерта, где впервые услышал Имя Божье под аккомпанемент японского синтезатора.

Может ли свобода от аморализма породить мораль? Ведь теперешняя свобода — это, в сущности, Свобода-2, а Свобода-1 уже состоялась в революцию, когда были опрокинуты религиозные нормы, а их место занял сознательный революционный аморализм — подробно разработанная и официально утвержденная доктрина насилия (Ленин, Пятаков, Лацис и многие другие).

Нарушилась гармония между Домом и Миром. В здоровой, то есть в традиционной культуре, долг перед государством и долг перед близкими и самим собою согласуются путем личного религиозного опыта. В Боге примиряются страх перед безличным государственным насилием и желание личной свободы. Свобода, отказавшись от Бога, высвободила страх, уничтоживший ее самое.

Направо пойдешь, налево пойдешь, прямо двинешься... Три дороги, три

богатыря, запнувшиеся о камень безложной свободы, — Маяковский, Короленко, Горький. Маяковский сказал революционному аморализму безусловное «да» и своим самоубийством напророчил гибель вождей так называемой «ленинской гвардии», изобретателей мясорубки, первыми сгинувших в ее горловине. Короленко сказал столь же безусловное «нет» и беззвучно исчез в голодной Полтаве, оставшись в школьных хрестоматиях автором трогательных и скучноватых «Детей подземелья». Умнее всех оказался Горький. Авансировав свою моральную безупречность перед нынешними строгими судьями с помощью «Несвоевременных мыслей» (как чуть раньше авансировался перед большевиками с помощью романа «Мать»), Горький принял строить компромисс. Увы! Поле исторической битвы осталось за ним. Компромисс между людоедской практикой государства и естественным стремлением к мирной домашней жизни создавался по мере того, как расхристанные бойцы революции заменялись аккуратными чиновниками. Этот компромисс, подменивший былую гармонию Дома и Мира, представлял собой устойчивую смесь, составленную из военно-бюрократических традиций, верности приказу, а иногда и слову, из преданности начальству и узкому кругу близких, а также из своеобразных заменителей честности. Каждый, даже самый жестокий и тупой чиновник, хоть раз да за кого-то заступился, хоть раз да возразил начальнику, и не уставал напоминать об этом блистательном факте. Сюда же обычно прибавлялась и элементарная добродетель в семейной жизни. По мере ослабления репрессий (1950—1970 годы) сформировался комплекс «лично порядочного человека», с ударением на слове «лично», что подразумевало всеобщую замаранность в непотенных общест-

венных делах. Личные связи между людьми делались тем сильнее и важнее, чем больше ослабевали политические. Страх из недостойного чувства превратился в уважительную причину политического безразличия. «Почему же вы молчали?» — «А мы боялись!»

Но вне политики на «лично порядочного человека» можно было безусловно рассчитывать. При этом, мера его житейской надежности была прямо пропорциональна степени его консерватизма. Морально растленное общество сковывалось ритуалами «порядочности». Очевидно, здесь мы имеем дело с нравственной ценностью традиции как таковой. Традиция обладает странным свойством уравнивать доброе и злое, сглаживать, примирять противоречия. Отказ от традиции — даже во имя свободы — оборачивается уничтожением норм человеческого общежития, разрушением более или менее приемлемых форм социального поведения. Что за мораль идет на смену революционному аморализму и застойно-консервативному кодексу «личной порядочности»?

В большой политике наши крайние радикалы выдвигают почти исключительно негативные программы, исполненные подросткового разрушительного энтузиазма. Духовная связь с большевиками, постоянно вменяемая радикалам в вину, на самом деле весьма поверхностна. У тех была вполне определенная цель — овладеть громадной страной и править ею к собственной выгоде. Радикалы же стремятся к распаду империи и к еще более бесчеловечному и бессмысленному разделению людей, чем классовое размежевание.

Казалось бы, классовая борьба — куда уж более! Оказалось, есть — национальная сегрегация... Потоки беженцев, погромы, пограничные войны, ужасающая судьба полукро-

вок — вот реальное содержание радикальных и демократичных словес о свободе, суверенитете народов и избавлении от диктата Центра. Большевики шли на террор сознательно, радикалы же не видят — или не желают видеть — кровь невинных обывателей за увлекательными политическими декларациями.

Весьма отвлеченные соображения радикалов не складываются в сколько-нибудь последовательную (даже аморальную!) систему норм и ценностей. Негативные, разрушительные устремления радикалов порождают не аморализм, как у революционеров — большевиков, а имморализм. Печальный парадокс — взгляды консерватора мне глубоко противны, но он так или иначе морален, и я могу на него по-человечески положиться или вести с ним адекватный диалог, или, по крайней мере, прогнозировать его действия. Политические воззрения радикала сами по себе и справедливы, и, бывает, даже гуманны, но он имморален, и поэтому на него трудно рассчитывать и в обычной жизни, и даже в собственно политической деятельности.

Об этом же говорят бесконечные расколы, размежевания и взаимные обвинения внутри радикальных движений. Зачем в партии, в депутатской группе — по пять сопредседателей? Сопредседатели обычно бывают в смешанных комиссиях — по числу сторон, а здесь-то почему? Боятся чьей-то единоличной власти. Из-за спины свободы, как и семьдесят лет назад, выглядывает страх, и снова Дом приносится в жертву Миру, и снова маленький человек пойдет на плаху во имя чего-то великого и прекрасного. Маленький человек всегда проигрывает в большой политической игре.

Возвращение к Богу тоже грозит превратиться в игру — воздвижение храмов, пышные празднества, при-

существование духовенства на любом мало-мальски значительном собрании («А представители духовенства?» — строго вопрошает проректор, просматривая списки приглашенных на вечер памяти известного профессора-филолога). Но нам, чтобы вернуться в моральное пространство цивилизованного мира, необходима своя Реформация. Не выстаивать литургии, совершаемые на малопонятном старославянском языке («аще» и «дондеже»), а вдумчиво читать Писание. И стараться жить по Писанию. Но это еще далеко-далеко впереди. Сначала надо просто научиться жить.

Но как? Кто научит? Опять придется надеяться на тех, кто живет в благополучии духовном и телесном — проще говоря, на развитые страны. Конечно, они прекрасно понимают, что без их помощи маятник страха и свободы разматывает Россию, превра-

тив ее в бездонную воронку, которая втянет в себя беззаботный мир. Поэтому они непременно будут нам помогать. Но мы сами — неужели мы только черная дыра на карте, которую цивилизованный мир, спасая себя, будет вынужден как-то залатать? Или мы представляем для них какую-то положительную ценность?

Я думаю, что да. Россия-СССР накопила гигантский опыт, политический и человеческий, связанный с бесконечными попытками осуществить неосуществимое. Политический опыт — проработка тупиковых государственных, экономических, социальных, национальных моделей. Человеческий опыт — опыт страдания, терпения, выживания в невыносимых условиях. Этот опыт принадлежит всему человечеству — без этого опыта миру не раз придется заглядывать в пропасти, в которых уже побывала Россия.

ЗЕМЛЯ БЕЗ МЕСТА

Лидия СТАРОДУБЦЕВА,
архитектор

...но если личность в этой среде голодает и задыхается, то не свидетельствует ли такое положение о каком-то коренном «НЕ ТАК» культурной жизни?

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Пути и средоточия. Итоги. [Из неоконченного труда «У водоразделов мысли»]

ЧУВСТВО МЕСТА

Согласитесь, жить без места в Мире как-то неуютно. Но мы так живем. Впрочем, что такое это «чувство места»? Ностальгическая нотка? Бестелесная субстанция, которую человек конца XX века давно утратил?.. Когда-то Мартин Хайдеггер говорил, что человек не просто живет, а проживает свое «здесь и сейчас», идентифицирует себя с окружением, экзистенциально его присваивает. И в этом смысле «чувство места» — одна из первейших глубинных потребностей человеческого сознания. Кажется бы, все так просто. Мы прилепляемся, заякориваемся в своей среде — социальной, пространственной, духовной. Мы растаем в нее. Укореняемся. Это — наша единственная реальная точка стояния, *locus standi*.

Но оказывается, не все так уж просто. Тем более, в наше смутное время. Тем более, там, где поселилось это коренное «НЕ ТАК». И те тысячи, которые сегодня вдруг ощутили себя

«не на месте» и судорожно засуетились в поисках своего угла на Земле... Те «инородцы», немцы, татары, «русскоязычные» и прочие, бросившие свое место в поисках Своего... И даже те бездомные странники, что ударились в переселенчество душевное: в пространство Веры, газетной периодики, наркотиков, тусовки и еще бог знает чего — лишь с одной целью: отыскать Свой Дом... И все они, рано или поздно лишившись иллюзий, застывают в недоумении: Дома то и нет — возвращаться некуда.

Мы живем «здесь и сейчас». Но все стремимся переселиться куда-нибудь. Наверное, потому что здесь и сейчас — плохо. Если оно и существует, это мифическое «чувство места», оно почему-то неумолимо гонит нас от своего места. Когда-то Максимилиан Волошин, пытаясь понять русскую революцию, открыл для себя свою точку стояния — многовековую историческую перспективу: начало династии Романовых — конец дина-

стии. И это не бегство в историю, а спасительное «чувство истории», добавляющее от неуюта хронологического провинциализма мира сегодняшнего. Г. Померанц отсылает нас к иной точке стояния — «чувству вечности», которое, якобы, поможет нас всех примирить, сделать толерантными, веротерпимыми...

Сколько еще таких эфемерных *locus standi* можно отыскать: Вселенная, планетарное мышление, океан Мирowego Разума?.. Все, что угодно. И все для того, чтобы хоть как-то компенсировать утраченное естественное «чувство места». И все для того, чтобы дистанцироваться от своего окружения и понять, наконец, что же это такое есть на самом деле: интимное и обжитое, исхоженное вдоль и поперек, издуманное и исчувствованное до боли. Свое «место» в мире. Оживотворенный собственной памятью и проросший терпкостью снов, твой — и ничей другой. освоенный клочок Вселенной.

«Каждое время и каждое место живет для себя самого» — замечательно сказано у Гердера. Но мы, похоже, делаем все возможное, чтобы вырваться из душных объятий места и времени. Мы не живем, а кочем. Осваиваем новые территории. Строим новые города. Переезжаем с квартиры на квартиру, с места на место. Причем география нашей жизни большей частью принудительна. Вспомним депортацию целых народов. А ликвидация частной собственности на землю? А армия, множество тысяч людей принципиально «безместных»? А наша система распределения студентов за тридевять земель? А пресловутая кадровая политика: поработал годик-другой — и переезжай в другой город, не засиживайся? А деревня, переселяющаяся в провинцию, провинция — в столицы, столицы — в эмиграцию? А «лимитчики»? А бичи, бомжи, беженцы, ми-

гранты всех мастей? Сделано все, чтобы мы стали бездомными...

Более чем полувековая политика расселения породила целое поколение кочевников, насильно выкорчеванных из места. «Аще корня не будет, то к чему древу прилепиться?»... Лишенное извечной фундаментальной потребности быть вместе и «в месте», наше поколение переболело слишком уж страшными болезнями: безразличием, тотальным нищанием духа, уродливым манкуртством, окрашенным идеологией «после нас хоть потоп». Отсюда — недалеко и до «красной кнопочки». А что? Зачем нам Земля, если мы давно живем без чувства места на Земле? Мы — безместно-повсеместные.

ПОЛУГОРОДА И ПОЛУГОРОЖАНЕ

Парадокс: мы столь же принудительно привязаны к месту славной системой «прописки», сколь принудительно оторваны от него. И если мы навечно оседаем в каком-то городишке, разве от этого легче? Место есть, а чувство места — отсутствует. Наверное, потому что мы живем в уже донельзя изуродованном, деградированном культурном ландшафте. Одинаково сером, одинаково технизированном, одинаково безысходном. Вожделенный процесс слияния города и деревни привел, наконец, к тому, что у нас теперь нет ни Города, ни Деревни. Наша необъятная держава — как один сплошной Полугород. А мы все — полугорожане.

Конечно же, процессы культурного усреднения, обмещанивания всего и вся, процессы тихого умирания деревни и выхолащивания городского образа жизни из городов начались не сегодня. И не семьдесят два года назад, а, скорее всего, полтора столетия тому назад, когда урбанизация

крестьянской России впервые обернулась засильем полугородской о: полугородских привычек, полугородских манер, полугородского образа жизни. Отсюда берут начало «омассовление», «дегуманизация» и прочее. И все-таки, до 1917 года все еще сохранялись некие устойчивые стереотипы «нормальной» городской жизни.

Но вот пришло время всеобщего переустройства. Окончательно разрушить устойчивый рисунок скрытых процессов городского уклада жизни как нельзя более помогли научная система градостроительства /селитьба — промышленность — транспорт/; «творческий» подход к архитектурному делу /типичное проектирование, ГОСты, СНИПы, привязки/; замечательная строительная индустрия /серии, потоки, кубометры, погонные метры жилья/. Веками город застраивался крошечными, в пределах одного домовладения, порциями, а мы строим с размахом — целыми районами, поселками, городами. Веками города насаивали, ступали, сливали богатство оттенков различных видов человеческой деятельности в единый плотный городской агрегат; а мы — разъединяем и опрощаем рисунок жизни до автоматизма: работа — дом, дом — работа. Веками город копил индивидуальное сознание горожанина; а мы — клишируем одномерную философию хайдеггеровского «мана». И вот результат. Теперь у нас и вовсе не осталось Городов. Их сжал в кольцо и задушил многоэтажный серый монстр, безликий микрорайонный Без-Город. Теперь у нас вовсе не осталось горожан — миллионные сонные полугорожане провалились в какую-то зыбкую прострацию монотонного панельного окружения. «Города-спальни»? — Города-кладбища.

Вот и я живу в одном из таких густонаселенных кладбищ. И из моего окна тоже не видно тесного старо-

городского дворика, а только безбрежная череда окон, окон, окон... А еще — так называемый «детский комбинат» за двухметровой колючей проволокой. А еще — некая, почти сталкеровская, качель «для детей», напоминающая разве что инсталляции авангардистов или заготовки для пыток. А еще — мусорные баки и серая будка «Табак», у которой уже с четырех часов ночи перетаптываются поклонники «Примь». Скажите, как можно жить в таком окружении?

Мы — живем. Живем и проживаем. А недавно ко мне зашел сосед и спросил: «А почему, собственно, не все заканчивают свою жизнь самоубийством? Это было бы так естественно...» Один известный западно-германский журналист написал: «Человека можно убить молотком, а можно и квартирой». — «А можно и городом», — добавил мюнхенский архитектор Герман Груб, приехавший погостить в Советский Союз и все недоумевавший, как это так можно одномоментно построить микрорайон на 10 тысяч жителей.

Но мы же строим. И продолжаем строить. Зато питерский центр вымирает. Зато разрушаются и пустеют старые кварталы. Сказать, что мы отчуждены от своего окружения, — это ничего не сказать. Мы просто убиты им — бесчеловечным, бесконечным полугородом, в который мы превратили свою землю. Мы — безместно-повсеместные.

«НОТОС» — ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Неплохо было бы, если бы все мы, хотя бы изредка в своем вечернем ничегонеделании перелистывали словари: толковые, этимологические, иностранные... И не для того, чтобы узнавать новые слова, а чтобы иногда возвращать старым — привычным и

избитым — их первоначальные смыслы. Так недавно совершенно случайно мне открылись два затертых, завязших на устах, слова: утопия и ностальгия.

«U» — нет; «topos» — место. Утопия — буквально, место, которого нет, или, иначе: без-место.

«Nostos» — возвращение домой; «algos» — страдание, боль. Ностальгия — возвращение домой через боль и страдание. И теперь, когда говорят «утопия», я вижу перед собою не отвлеченные схематики идеальных городов-садов, не литературно-социальные фантазии — от «Утопии» Т. Мора до Дж. Оруэлла. — но нашу вполне реальную «безместность», в которой мы обитаем повседневно. Те магазины, в которых мы выстаиваем очереди; те автобусные остановки, на которых толкаются увешанные сумками озлобленные люди; те сквозные междомовые пространства городских окраин, от которых хочется скорее спрятаться, укрыться. У-Топия — это та самая без-местность бытия нашего, которое мы проживаем, тот самый полугород, который мы построили для себя сами, пытаюсь осуществить неосуществимую миссию всеобщего осчастливливания человечества.

И теперь, когда говорят «ностальгия», меня исхлестывает тупая накипевшая боль и неодолимое страдание,

потому что мне хочется. наконец, вернуться Домой. В мой собственный Дом на земле — мою крепость, мою пропасть. И я роюсь в тайниках всех своих до-, пред-, бес- и под-сознаниях, и я напрягаю свою память: теплую память детства и ту, далекую, но еще не остывшую генетическую память поколений.

Моего прадедушки, священника, безвестно пропавшего, наверное, в Сибири; моего дедушки, агронома, заболевшего душевной болезнью после десяти лет Беломора; моей бабушки — медсестры, мучительно умирающей от лучевой болезни на казенной холодной кровати; моего родного папы, изжившего свою короткую жизнь в госпиталях и тесноте коммуналок... И я не могу представить даже смутных очертаний того моего Дома, в который мне хотелось бы вернуться. Нет у меня Своего «места». Некуда мне возвратиться.

И как же долго мы еще будем жить без своего «места» в Мире?

Мы, уже пережившие повсеместный кошмар осуществленных утопий...

Мы, вымороченные и выпотрошенные постоянством нашего культурного «не так»...

Мы — безместно-повсеместные...

Не пора ли нам вернуться на место?

Не пора ли нам вернуться Домой?

В БЮРО СКЗМ

Довожу до вашего сведения, что трудовой коллектив редакции «Век XX и мир» совместно с общественным авторским советом в лице Адамовича Александра Михайловича, Афанасьева Юрия Николаевича, Карпинского Лена Вячеславовича, Сараскиной Людмилы Ивановны, Старовойтовой Галины Васильевны вошел с просьбой в Министерство печати и массовой информации РСФСР о регистрации в качестве учредителей самостоятельного издания журнала «Век XX и мир».

По мнению учредителей, это окончательно зафиксирует сложившуюся в период перестройки творческую и организационно-хозяйственную самостоятельность издания.

Окончательно определяя самостоятельность журнала в такой форме и отрегулировав производственные проблемы, включая проблему финансирования, мы будем готовы позднее совместно с правлением новой организации, идущей на смену СКЗМ, рассмотреть вопрос о роли этой организации в качестве соучредителя или о вхождении журнала «Век XX и мир», который будет продолжать разрабатывать миротворческую тематику, в состав этой организации в качестве ассоциированного члена.

Считаю разумным до грядущих перемен сохранение прежней системы организационных и производственных отношений между СКЗМ и редакцией ко взаимной пользе.

**Главный редактор
«Век XX и мир»
А. БЕЛЯЕВ**

**Учредитель — трудовой коллектив журнала,
Адамович А. М., Афанасьев Ю. Н., Карпинский Лен Вяч.,
Старовойтова Г. В., Сараскина Л. И.**

СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПЕЧАТИ И МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

18 декабря 1990 г.

№ 477

НАЗВАНИЕ "Век XX и мир"
(на языке оригинала и его перевод)

на русский язык)
ВИД СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:

журнал
(журнал, газета и т. д.)

ЯЗЫК(И) СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

русский, английский
Трудовой коллектив редакции журнала (Москва,
учредитель ул. Тверская, 16/2), Адамович А.М.

(Москва, ул. Остоженка, 4, кв. 19), Афанасьев Ю.Н.
(Москва, Университетский просп., 6-3-79)

Карпинский Лен Вяч. (Москва, Смоленский б-р, 6-8),
Старовойтова Т.В. (Москва, ул. 800-летия Москвы,
д. 5, корп. I, кв. 131), Сараскина Л.И. (Москва, Шепи-
ловская ул., 23-2-197)

Министр печати и
массовой информации

(М. Федотов)

(подпись)

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском и английском
языках

Цена 50 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

□ ВЕК XX И МИР □ □ XX CENTURY AND PEACE □

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверская Ул, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

